
В НОМЕРЕ:
ВСТРЕЧА С МАЯКОМ
12-я СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА
С. Маршак — НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ
ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1795)

12 НОЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОСКВА. ПРОСПЕКТ МАРКСА.

Фото В. Тарасевича.

СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ!

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 7 НОЯБРЯ 1961 ГОДА

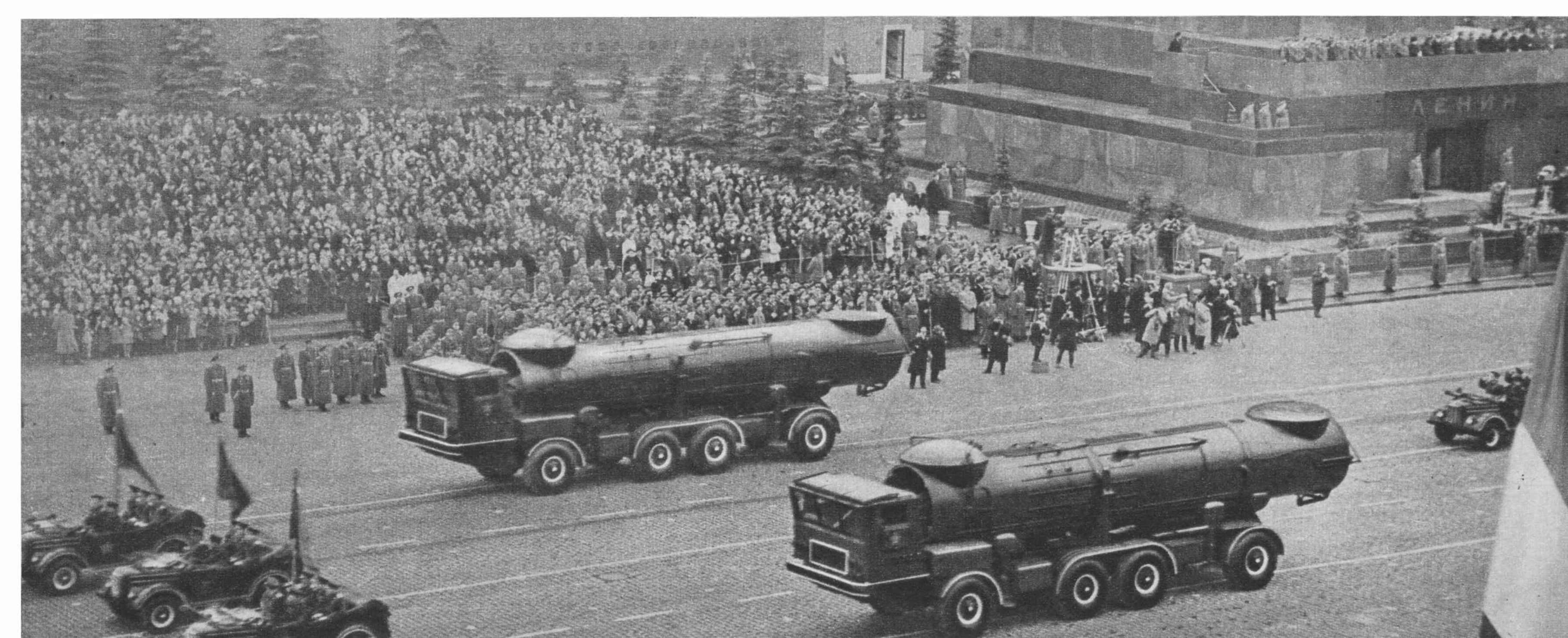
МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 7 НОЯБРЯ 1961 ГОДА

На трибуне Мавзолея Владимира Ильича Ленина руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, руководители и члены делегаций коммунистических и рабочих партий зарубежных стран.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Я. Рюмкина, В. Тарасевича, И. Тункеля.

ЛЕНИН
СЛАВА
СОВЕТСКОМУ
ИСКУССТВУ

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 7 НОЯБРЯ 1961 ГОДА

ЗА РАБОТУ, К НОВЫМ ПОБЕДАМ! С таким настроением покидали Москву, разъезжались по домам делегаты исторического XXII съезда КПСС.

Наши корреспонденты обратились к ряду делегатов с вопросом, каковы их планы на ближайшее будущее.

Иван Федорович РЕГИДА,
председатель колхоза «Труд», Называевского района, Омской области

Уже сейчас могу поделиться некоторыми своими планами. Главная задача колхоза — резко повысить урожайность.

В 1958 году мы собрали 36 тысяч центнеров зерна; нынешний урожай дал 82 тысячи центнеров. Теперь нам нужно сделать новый скачок: через два года мы должны получать 100—120 тысяч центнеров. Придется увеличить парк машин и подготовить специалистов для их обслуживания. Сибирские просторы велики, только у одного нашего колхоза 40 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, без техники здесь ничего не сделаешь. Много придется нам потрудиться и над развитием животноводства. За последние три года мы увеличили поголовье крупного рогатого скота более чем вдвое: довели до трех с половиной тысяч. Но вот дойных коров у нас маловато, пока только девятьсот. Вот и решили: в ближайшие годы на наших фермах должно быть не менее двух тысяч дойных коров.

Сейчас мы хорошо и много строим — и по хозяйству и жилье. Нужно будет приналечь на благоустройство и озеленение: новая жизнь должна быть не только богатой, но и красивой.

В последний год доходы колхоза составили семь миллионов рублей в старых деньгах. А раз уж мы привыкли именоваться миллионерами, то решили в ближайшие два года закрепить за собой это и в новом масштабе рубля.

ИВАН МАКСИМОВИЧ ЮДИН,
секретарь Новокубанского райкома КПСС, Краснодарского края

Работы впереди — непочатый край. Прежде всего по возвращении нужно рассказать всем в районе о решениях съезда, разъяснить каждому его собственные задачи в общем деле.

У нас на Кубани еще идут полевые работы. До зимы должны закончить пахоту, очистить поля от сорняков, привести в порядок дороги, организовать массовый вывоз местных удобрений. Все звеньевые уже знают, где весной будем сеять кукурузу, и сейчас эти земли соответственно подготавливаются. А ведь так и в других делах: главное — это заглядывать в будущее.

Зимой будем проводить занятия с колхозниками по агрономии и животноводству. Без знаний сейчас нельзя — не то время. В районе много мастеров высоких урожаев: например, свекловод В. А. Светличный, кукурузовод В. Я. Первицкий. Сейчас они передают свой опыт другим.

Развернули мы большое строительство. Асфальтируются дороги, проводится газ. Уже сейчас народ живет зажиточно, приведу только один пример: сколько бы ни привезли телевизоров в магазин — разбирают нарасхват. А представляете, какая жизнь будет через десять — двадцать лет?! Расскажу по секрету еще одну новость: в ближайшее время наш районный центр станет городом, уже и название есть — Кубанск. Одним словом, растем!

ГАЙНУТДИН ГАБДРАХМАНОВИЧ МУРАТОВ,
старший оператор Ново-уфимского нефтеперерабатывающего завода, Герой Социалистического Труда

Во время съезда я получил телеграмму с завода. Товарищи писали, что работают хорошо, план перевыполняют. Это было очень радостно, и теперь мне не терпится поскорее вернуться на завод.

Резервы у нас большие, многое нужно менять — время требует,— вводить новую технологию. Кое-что я уже во время съезда наметил. Очень важно, чтобы каждый рабочий сам находил какие-то хотя бы и некрупные резервы на своем участке.

Большую надежду я возлагаю на молодых рабочих. У меня много учеников, и я охотно буду и впредь передавать свой опыт молодежи.

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ МЕРКУЛОВ,
директор Таганрогского завода самоходных комбайнов

На заводе меня ждут. Конечно, из газет каждый знает о работе съезда. Но всем ведь хочется услышать об этом историческом событии от непосредственного участника, тем более если этого участника ты сам посылал на съезд. Соберем рабочих, инженеров, командиров производства.

Нужно будет увязать проблемы, поставленные в Программе партии, с планами завода. Мы уже сейчас можем продумать с большой точ-

ПРОСОВЕТСКИЙ БИЗНЕСМЕН

Борис **ИВАНОВ,**

специальный корреспондент «Огонька»

Барней Джозефсон—бизнесмен. Он имеет в Нью-Йорке три ресторана. «Богатый человек»,— не без зависти в голосе рекомендовал мне его один американский журналист. Но мог бы быть еще богаче. Пострадал за убеждения. После того, как он вслух стал высказывать свои симпатии к Советскому Союзу, в принадлежащий Барнею Джозефсону фешенебельный ночной клуб перестали доставлять виски. «Почему?» — поинтересовался хозяин у своих поставщиков. «Запрет властей»,— ответили они. Кто же станет в Нью-Йорке развлекаться без виски? Клуб опустел, его пришлось закрыть. «И поделом», — иронизировали конкуренты.

Но Барней Джозефсон — смелый и честный человек. Взял в 1958 году да и поехал в СССР. Хотел сам убедиться, «так ли страшен черт, как его малюют».

— Ну, и каковы ваши впечатления? — поинтересовался я.

— Черта выдумали наши пропагандисты,— ответил мистер Джозефсон.— Меня не обыскивали в таможне, за мной никто не следил, я свободно ездил по стране, но не это самое сильное впечатление. Советский народ улыбчив и много строит домов. Меня занимала не архитектура, а тот факт, что в новых квартирах будут жить простые люди.

— Что ж тут удивительного? Люди строят для себя.

— О, не скажите! Американца это поражает.

У ньюйоркцев еще свежи в памяти слова нынешнего мэра Вагнера: «Мы должны покончить с трущобами в городе». И действительно, в районе 96-й улицы снесли рухлядь и построили двадцатиэтажные дома. Но попытка «покончить с трущобами» породила новые трущобы, еще более ужасные. И вот почему. За три комнаты, например, нужно платить 263 доллара в месяц. Причем квартиросъемщик должен представить гарантии, что его недельный заработок не менее месячной стоимости квартиры. Кто же такие деньги зарабатывает? Только не средний американец. В лучшем случае преуспевающий делец. Но есть квартиры меньше? Конечно, есть. И квартплата чуть ниже, но она тоже по карману только очень небольшой категории людей. Кроме того, ставится новое условие: в маленькую квартиру может вселиться только семья в два человека.

Что же оставалось делать обитателям трущоб? Ведь они жили в тесноте, в ужасных, антисанитарных условиях не потому, что так им нравилось. Заработок в 50 долларов в неделю не позволял им рассчитывать на лучшее. Они ринулись искать хоть какую-нибудь крышу над головой. Этим воспользовались домохозяева и стали сдавать внаем буквально крысиные норы, в одну комнату вселять по нескольку семей. Так быстро родились новые трущобы. Тому пример 84-я улица.

— Когда я приехал из вашей страны,— продолжал Барней Джозефсон,— меня окружили скептики. «Ну, как? Расскажи, что ты видел своими глазами». Скептиков в моем окружении поубавилось. Их вообще становится меньше. Сильный удар по скептицизму американца, если можно так выразиться, нанес XXII съезд советских коммунистов. Простых американцев, как теперь любят выражаться, поразила Программа вашей партии. Особенно та ее часть, где говорится, что будет сделано для блага человека. Это впечатление трудно стереть даже самыми

ностью свою работу на десять лет вперед.

В 1963 году наш завод начнет выпускать самоходные шасси с прицепными устройствами, а к 1965 году будем давать их уже десятки тысяч в год. Кроме того, станем делать механизмы и для Ростовского завода сельскохозяйственных машин.

Наш завод волнуют не только производственные проблемы: к концу семилетки нужно построить 50 тысяч квадратных метров жилья для рабочих и служащих.

Очень важно также и обучение людей. На заводе создан университет экономических и технических знаний, я там за ректора. Сейчас в нем учится 2,5 тысячи рабочих. А к концу семилетки курс университета должны пройти все рабочие завода.

Ну, а главное, конечно, наращивать темпы производства: колхозы требуют технику, и мы должны им ее дать.

МАНИГУЛ СУЛТАНОВИЧ БИГУЛОВ,

бригадир комплексной бригады каменщиков СУ-2 города Уфы, Герой Социалистического Труда

Четырнадцать лет я уже строю дома в Уфе. Шестьдесят домов возвела наша бригада, но все это были здания из штучного кирпича. Сейчас у нас строится комбинат для производства крупных панелей, и нам приходится переучиваться. Перед самым съездом я окончил курсы и получил аттестат монтажника. А к тому времени, как комбинат войдет в строй, вся бригада освоит новые методы строительства. Первое время, вероятно, будет трудновато: дело-то незнакомое. Но ничего, осилим и это.

Моя задача и мечта — чтобы через десять лет все люди жили в новых квартирах.

СЕРАЛЫ КОЖАМКУЛОВ,
народный артист Казахской ССР

— Вы правильно подметили, у меня и правда хорошее настроение. И знаете, чего мне хочется? Чтобы у всех у нас теперь, после съезда, в груди всегда так тепло было!

Уже почти сорок лет играю я на сцене Казахского академического театра драмы: ровесники мы с ним, с нашим театром. Сколько я подметок истоптал на его подмостках, сколько жизней прожил! Скажу откровенно: чаще всего мои герои были незадачливыми, смешными. Но когда я слышал в зале веселый смех, а потом видел зрителей, которые, размахивая руками, выходят из театра и вспоминают отдельные реплики и сцены, мне казалось, я живу не зря. Говорят, веселье продлевает человеку жизнь. Я в это верю! И мне кажется, что люди коммунистического общества будут жизнерадостнее, чем мы, будут больше смеяться, радоваться, веселиться.

изощренными пропагандистскими приемами.

Барней Джозефсон прав. Не далее как на прошлой неделе издательство «Белмонт Букс» выпустило массовым тиражом текст новой Программы и Устава КПСС. На такой шаг издатели пошли скрипя зубами, и только потому, что уж больно велик у простых американцев интерес к этим документам. Сердечная боль издателей проступает сразу, как только возьмешь книгу в руки. Издатели облекли книгу в хулиганскую обложку, иного слова здесь не подыщешь; предпослали ей злобное предисловие, написанное Солсбери. Основная мысль этого предисловия — лучше умереть, чем стать красным. Но этот гадкий прием не сбил с толку читателя. Книга была быстро распродана. А ее оформление вызвало осуждение у многих американцев.

— Солсбери нагоняет страху,— говорит Барней Джозефсон.— Вчера вечером мы с женой обсуждали это его сочинение. Я рассказал анекдот, который слышал еще от отца. В самый разгар гражданской войны в Россию приехал американец. Повстречал его красногвардеец и спрашивает:

«Ты зачем к нам приехал?»

«Помогать»,— отвечает американец.

«Тогда бери винтовку».

Взял американец винтовку и стал в строй. Заняли они один город и говорят местному капиталисту:

«Отдавай свои богатства народу».

Капиталист упал на колени и молит:

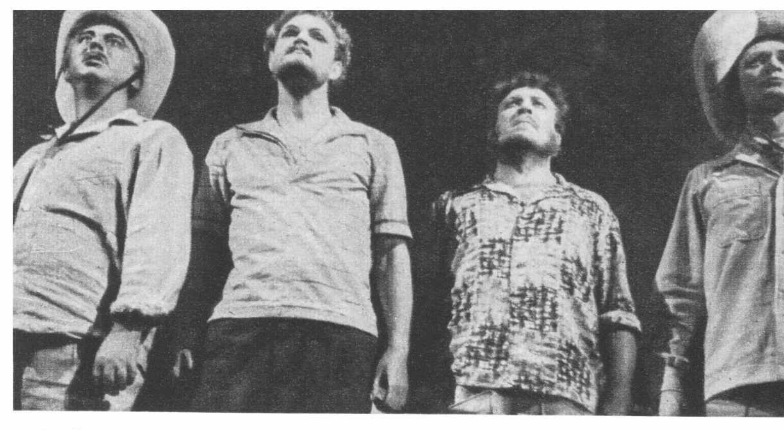
«Лучше возьмите мою жизнь, но деньги оставьте».

Только закончил я свой анекдот, как слышу голос сына, который играл тут же, в комнате, и, оказывается, прислушивался к нашему разговору.

«Идиот! — воскликнул он.— Что ему деньги, когда нет жизни?»

Вы догадываетесь, зачем я привел здесь этот маленький эпизод, разыгравшийся у меня дома? Единственно правильный сейчас принцип внешней политики нашего правительства — принцип мирного сосуществования, то есть тот, о котором говорится в вашей Программе. Даже мой юный сын это понимает, а мистер Солсбери нет. Вы, наверно, подумаете, что это за «красный бизнесмен». Я не коммунист, но просоветский бизнесмен. И знаете, почему? Ваша политика сосуществования мне по душе: она дает возможность жить и сохранить ценности. На том сходятся многие бизнесмены. Жаль, что это не все понимают в нашем правительстве.

Нью-Иорк.

Сцена из спектакля Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «День рождения Терезы».
Фото А. Гладштейна.

ГИМН ГЕРОЯМ

...Бескрайний горизонт, голубизна неба и рябь моря, листья тропических деревьев застыли в знойном воздухе. Покой на Кубе!

Так начинается спектакль Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «День рождения Терезы» по пьесе Г. Мдивани.

Но вот уже зарево близких боев застилает синеву неба. А впереди, на самой авансцене,— фигура женщины. Это Тереза. Взглядом провожает она тех, кто, повинуясь зову войны, покинул мирный праздник и с автоматом в руках уходит сейчас в пылающую даль: юношу-сына, дочь, едва вышедшую из детского возраста, друзей... Припав к земле, словно черпая у нее силы, смотрит Тереза — актриса Лилия Гриценно — вслед уходящим.

...И снова небо, снова море. Но уже иной ракурс условной сценической конструкции, которая составляет декорацию спектакля «День рождения Терезы» (художник — И. Сумбаташвили). Перед зрителями гигантская красная вздыбленная лестница-решетка, по ней, словно по ступеням пожарища, поднимаются вверх раненые, измученные бойцы. Среди них нет юноши Хосе, и потому скорбно заломлены руки Терезы. Но бойцы-кубинцы сурово, мерно и неотвратимо идут к победе.

Одна выразительная, смелая и темпераментная мизансцена сменяет в спектакле другую. Образное, четкое и зримое воплощение мысли драматурга нашел постановщик-режиссер Борис Равенских. Спектакль, героический по теме, звучит как патетический гимн, как песня патриотов, песня бойцов. Решенный в манере открыто публицистической, он глубоко современен, ибо несет заряд подлинного гражданского пафоса.

И в то же время спектакль этот бесконечно трогателен. Судьба семьи патриотов — Терезы и трех ее детей, едва не погибших из-за предателя, захватывает зрителя той особой человечностью характеров, в которых исполнители, и прежде всего Л. Гриценко, сумели раскрыть и героические черты, и лиризм, и сердечность.

Патетика и лирика. Эти как будто несовместимые понятия определяют спектакль, талантливо и смело поставленный Равенских, превосходно сыгранный актерами, среди которых и выделить кого-нибудь трудно, так хороши и В. Раутбарт, и Л. Марков, и О. Викландт, и Ю. Фомичев, и юные Т. Лякина, В. Буров.

...Шел спектакль, посвященный героям Кубы, а в зрительном зале сидели представители Кубинской Республики на XXII съезде КПСС. Аплодисменты, слова привета были обращены и к ним.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

БИТВА В ПУТИ

На экране происходит первая встреча главных героев фильма «Битва в пути»: Вальгана (его играет М. Названов) и Бахирева (М. Ульянов).

С первых же кадров режиссер В. Басов показывает главного героя фильма Дмитрия Бахирева крупным планом. И это отнюдь не формальный прием. Именно судьба Бахирева, его борьба с Вальганом, разоблачение очковтирателей становятся центральной темой фильма.

Отлично играет Михаил Ульянов.

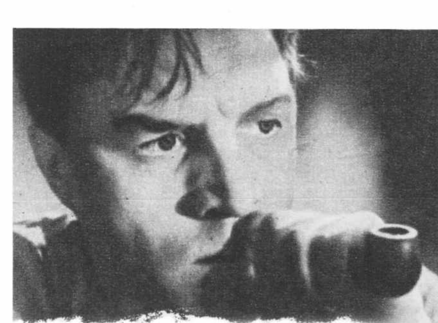
Бахирев в силу своего характера немногословен и в романе Галины Николаевой, по которому поставлена картина. В фильме же ему отпущено еще меньше слов. Но язык кинематографа настолько красноречив, что достаточно одного взгляда, жеста, интонации артиста, чтобы зритель понял душевное состояние этого образа.

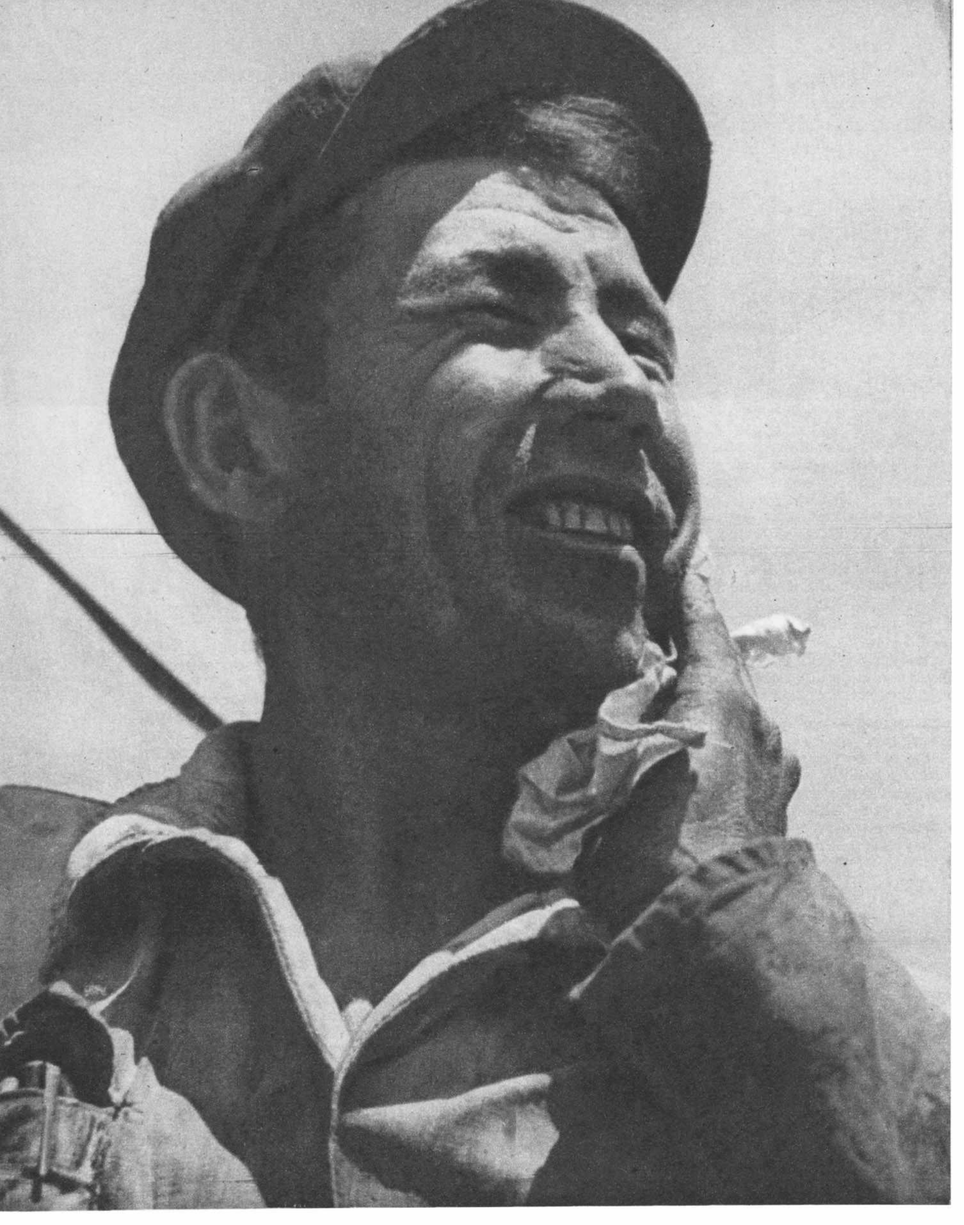
Хорошо показано время — те дни, когда советские люди встали на трудную битву за новое. Именно об этом картина. Отсутствие обязательной любовной линии ничуть не портит фильм. Оказывается, чисто «производственный конфликт» может тоже волновать, интересовать, трогать!

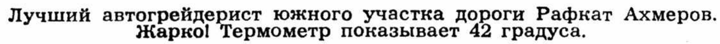
Фильм «Битва в пути» двухсерийный. Зритель с неослабным вниманием следит за тем, как показан в нем трудный, но славный путь человека, отстаивающего свои принципы, свои убеждения, свою правоту. Но, удивительная вещь, нам дорог Бахирев в самые трудные моменты его жизни, мы волнуемся за исход его борьбы с Вальганом, но словно теряем интерес, когда справедливость восторжествовала. Что же тому причиной? Сентиментальный конец. В момент глубочайших раздумий Бахирева его вдруг окружает веселящаяся толпа, распевающая бодрые песни. Было бы лучше, если бы авторы картины поставили точку чуть раньше.

М. КВАСНЕЦКАЯ

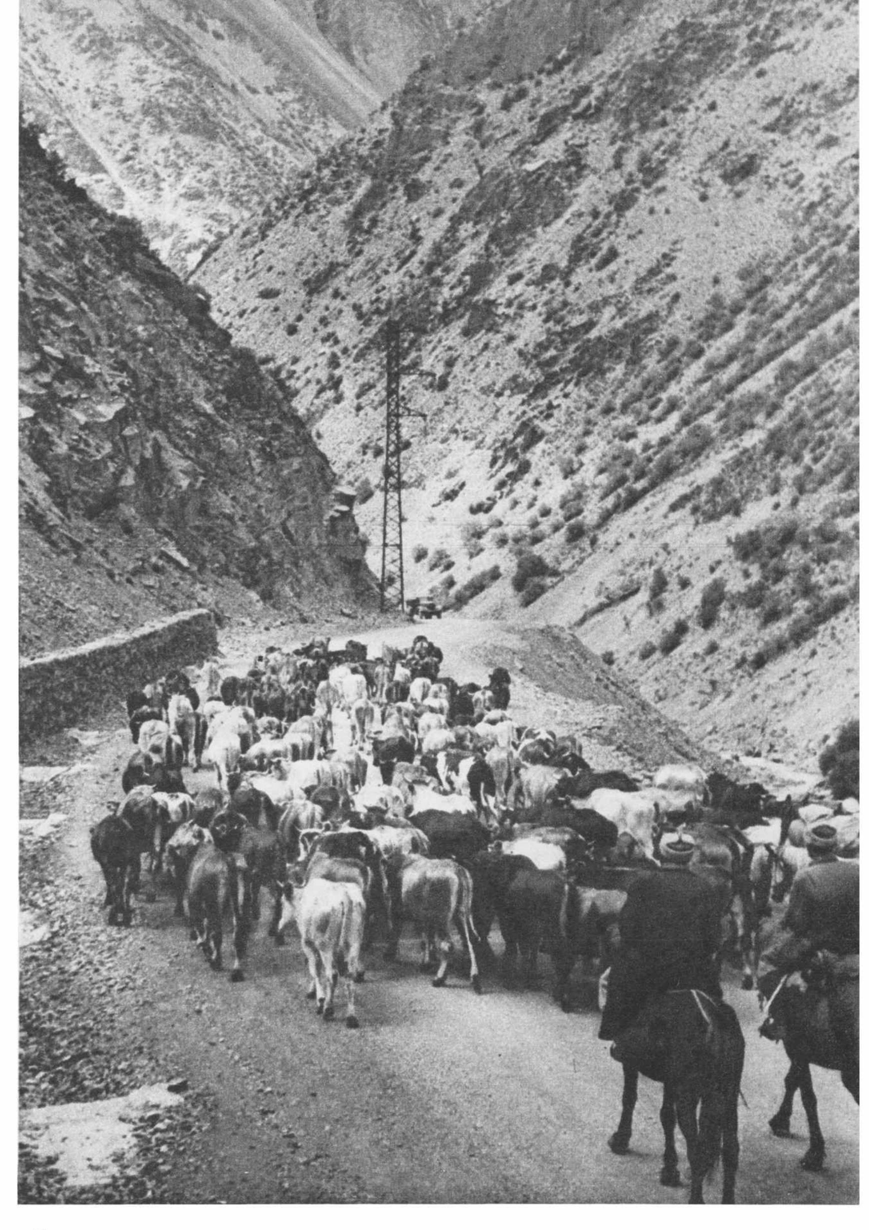
Бахирев — М. Ульянов.

Лучший автогрейдерист южного участка дороги Рафкат Ахмеров. Жарко! Термометр показывает 42 градуса.

Теперь скот перегоняют на пастбища по благоустроенной дороге.

Фото М. САВИНА.

ВЕЛИКИЙ КИРГИЗСКИЙ...

НА ЦВЕТНЫХ СНИМКАХ:

Один из участков дороги готов.

Причудливо извивается путь к перевалу.

Множество самых разнообразных машин на строительстве тракта.

В стороне от трассы изумительные по красоте места. На берегах озера Сары-Челек всегда можно встретить туристов.

Вьючная тропа, петлявшая по головокружительным горным теснинам, — в прошлом единственная дорога кочевника-киргиза. Путнику угрожали снежные обвалы и каменные осыпи, горные ливни и бурные реки.

Ныне республику изрезали ленты автомобильных шоссе и железнодорожных магистралей, над горами пролегли воздушные трассы.

И все же север республики до сих пор не имеет надежной связи с югом. Мощные хребты седого Тянь-Шаня, протянувшиеся с запада на восток, разделили Киргизию на части. Чтобы преодолеть их верхом на коне, потребуется не менее месяца трудного и опасного пути.

Есть, правда, окольная дорога. Огибая мощные хребты, железнодорожная магистраль проходит по территории Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Путь из Фрунзе в южные районы республики занимает почти двое суток.

Прямая дорога с севера республики на юг — эта мечта столетиями жила в легендах и народных преданиях. И вот пришло время ее воплощения: строится дорога Фрунзе — Ош. Народ уже сейчас дал ей имя — Великий киргизский тракт.

Богатырский размах у этой стройки, протянувшейся на 600 километров. На трассе будет создано более сотни железобетонных мостов. Огромной цифрой — 11 миллионов кубических метров — исчисляется объем земляных работ.

Трудности этой стройки велики. Людям приходится в бетонные берега одевать бушующие реки, сносить целые скалы, работать в пятидесятиградусную жару летом и в обжигающий холод зимой.

Самое трудное на пути из Фрунзе в Ош — четыре гигантских перевала. Один из них, Тюя-Ашу (верблюжий перевал), — 3 600 метров над уровнем моря.

В то время когда на полях идут в рост хлопок и сахарная свекла, здесь лежит снег: из машины, петляющей по многочисленным серпантинам, его можно достать рукой.

Здесь, на перевале Тюя-Ашу, на высоте орлиного полета дорога идет в глубь гранитной стены. Строители сооружают самый высокогорный в стране тоннель длиною два с половиной километра.

Так, раздвинув скалы, человек откроет доступ к сочным альпийским лугам Сусамыра, избавит от кругового гранитного плена еще одну, богатейшую Кетмень-Тюбинскую долину, сделает доступной разработку горных богатств, таящихся в недрах седого Тянь-Шаня.

Новую жизнь получат со сдачей дороги в эксплуатацию южные угольные и хлопковые районы республики.

На Великом киргизском тракте выполнена уже половина работ.

На сооружении автомагистрали трудятся русские и киргизы, украинцы и узбеки, чечены и татары, белорусы и таджики. Со всех концов страны съехались сюда люди. И горы отступают перед мужеством и настойчивостью отважных.

А. САЧКОВА,
Е. КОЗЛОВ

Карлики и гиганты

Владимир СЕМЕНОВ

Табак, обработанный гиббереллином, почти в два раза выше своего собрата, растущего в естественных условиях.

В зеленой лаборатории

Переступив порог лаборатории профессора Михаила Христофоровича Чайлахяна, я сразу попадаю в мир необычных явлений. Вот две грозди винограда одного сорта — Коринка черная. Каждая виноградина в пять-шесть раз больше обычной. Гигант-помидор разросся до размеров десертной тарелки, а конопля, выращенная под стеклянным куполом оранжереи, поражает высотой своего стебля.

Зеленые великаны стоят, подставив мясистые листья щедрым лучам ламп — искусственного солнца, и рядом с ними обычные их собратья кажутся маленькими и слабыми.

Что же случилось с этими растениями в зеленой лаборатории ученого? Какие необычные силы заставили их буйно расти и давать ягоды в пять-шесть раз больше обыкновенных?

— Есть могучее средство воздействия на рост и развитие растений,— говорит Михаил Христофорович Чайлахян, руководитель лаборатории Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева АН СССР.— Это средство у нас в руках. Гиббереллины ему название. Если правильно и в определенных дозах пользоваться гиббереллинами, то можно, как видите, добиться поразительных результатов.

Теперь, когда ставится задача увеличить общий объем продукции нашего сельского хозяйства и широко использовать достижения биологической науки, для нас, ученых-биологов, открывается широкий простор. Хочется вложить свои знания, ум и энергию в общее дело повышения урожайности растений, добиться изобилия продуктов и применить все достижения науки на полях, в садах, на огородах, виноградниках, плантациях — словом, всюду.

...Но как же гиббереллин может ускорять рост растений? Каковы его свойства? Чтобы разобраться в этом, заглянем в прошлое.

Где-то у горы Фудзияма

Аккуратные квадратики рисовых полей японских крестьян. Поблескивает темно-серая, словно зеркало, вода полива. Но странный какой-то рис. У него появились удлиненные побеги. Мрачны лица крестьян. Они знают: это не сулит хорошего урожая. Крестьяне ждут суровых дней, а возможно, и голода. «Баканае» — болезнь рисовых побегов, вот чем поражены посевы.

Трудно себе представить, чтобы из такого бедствия, словно пожар, охватившего рисовые поля, можно было извлечь пользу. Но случилось именно так. Стало известно, что больные плантации заражены особым фузариевым грибком под названием гибберелла фуйкурои. И вот японские ученые Т. Ябута и Ю. Сумики двадцать с лишним лет назад из выделений этого грибка получили бесцветное кристаллическое вещество. Назвали его по имени грибка — гиббереллином. По своему химическому составу это органическая кислота.

Нужна была гениальная догадка, созревшая у многих ученых, чтобы в страшной болезни растений увидеть мощный стимул роста и направить его на пользу человеку. Ведь проще, конечно, заняться уничтожением болезни, то есть грибка, порождавшего такое необычное явление.

Впервые в руках человека появилось вещество огромной силы физиологического воздействия. Одна часть гиббереллина, будучи разведенной в миллионе частей воды, вызывала усиление роста риса, пшеницы, ячменя, табака и других культур, опрыснутых этим раствором. Так был найден стимулятор роста и цветения растений.

В последующие годы усилиями ученых Советского Союза, Японии, Англии, Соединенных Штатов Америки были выделены несколько гиббереллинов. Советский отечественный гиббереллин также получен из фузариевого грибка, причем, помимо работы физиологов, здесь важную роль сыграли объединенные усилия научных работников Института микробиологии Академии наук СССР, и кафедры биологии почвы МГУ под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Н. А. Красильникова, и Института удобрений и агропочвоведения ВАСХНИЛ под руководством Г. С. Муромцева. Советские ученые стремятся найти аналогов гиббереллину, наиболее эффективные штаммы фузариевых грибков, из которых сейчас выделяют гиббереллин.

Уже организовано промышленное производство гиббереллина. На жидкой питательной среде, в которой содержатся сахар и минеральные соли, выращиваются грибки. Усваивая питательные вещества, они выделяют в эту среду гиббереллин.

Гиббереллин шагает на поля

Что даст применение гиббереллина?

Воздействуя на растения гиббереллином, можно добиться повышения урожайности, скажем, в три раза. Активность гиббереллина проверена опытом. Например, профессору Калифорнийского университета в США А. Лангу впервые удалось заставить длиннодневные растения зацвести в условиях короткого дня.

Какое это имеет практическое значение? Огромное! Уж если человек вторгается в область ускорения развития и цветения растений, то на очередь неизбежно будет поставлен вопрос об ускорении и усилении плодоношения. Об этом как раз и говорят опыты профессора М. Х. Чайлахяна.

Маленькая пипетка, наполненная раствором гиббереллина, делает в его руках чудеса.

Препарат не только усиливает деление клеток растения, но и вызывает их рост, увеличивает размеры. Жизнедеятельность растений повышается, особенно интенсивно проходит фотосинтез — усвоение углекислоты воздуха. Корни активнее поглощают из почвы питательные вещества.

Многое теперь выяснено о гиббереллинах и гиббереллиноподобных веществах. Известна и структурная формула гибберелловой кислоты, но еще не научились получать ее синтетическим путем. Это — дело будущего. Однако разработан ферментативный метод получения гиббереллинов на искусственной питательной среде, подобно тому, как получаются антибиотики.

Издавна известно, что самое плодоносящее культурное растение, если его забросить, не давать ему удобрений, не ухаживать за ним, можно превратить почти в бесплодное. Во всех условиях роль почвенного питания растений огромна. Гиббереллины, как и другие физиологически активные вещества, сами по себе не могут дать повышения урожая. «Возбужденному» растению нужен «строительный материал». Вызывая интенсивный рост, стимулируя обмен веществ, гиббереллины способствуют усвоению растениями питательных веществ и воды из почвы, углекислоты из воздуха и, таким образом, повышают их урожайность. Так карлики породят великанов.

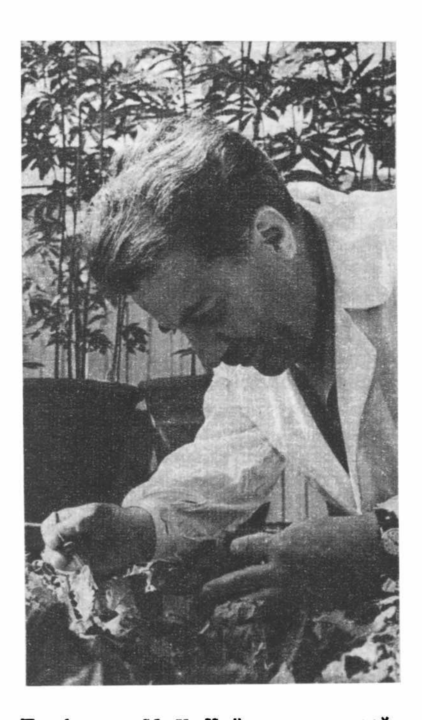
Область опытов с гиббереллинами постепенно становится достоянием сельскохозяйственной практики. От Закавказья до Подмосковья их начинают применять опытные учреждения, хозяйства. В Крыму, в Средней Азии, в Армении и Азербайджане выводятся кишмишные сорта винограда, обработанные гиббереллином во время цветения. Они раньше созревают, они крупнее и, конечно, вкуснее обычных.

В Глухове, в Сумской области, у конопли, обработанной гиббереллином, выход волокна увеличился в 2—2,5 раза.

Но и это еще не все! Свойство гиббереллинов ускорять прорастание семян пригодится в пивоварении. Будут сокращены сроки получения солода, и станет возможным использовать для этой цели больший ассортимент ячменя, чем теперь.

Гиббереллины помогли удвоить урожай картофеля в южных районах нашей страны, увеличить урожай некоторых сортов томатов, огурцов, кормовых культур.

Известно, что изобилие продуктов и предметов потребления — одна из характерных черт коммунизма, одна из важнейших задач, поставленных XXII съездом КПСС. Сельское хозяйство к решению этой задачи идет через повышение урожайности, расширение посевных площадей, использование передового опыта и научных достижений.

Профессор М. Х. Чайлахян в своей лаборатории.
Фото А. Гостева.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕ

Капсалис
КЛИСОВИТИС

Эта трагедия не была написана ни Эсхилом, ни Эврипидом, ни Шекспиром. Ее семнадцать лет переживает целый народ. Эта трагедия не уместится на сцене ни одного театра. Место действия ее — города и села, тюрьмы и концлагеря, дома и улицы. Она — действительность, которую переживает сегодня Греция.

Обыкновенная история

...Не так давно, шагая по улице одного из афинских предместий, я услышал вдруг громкие крики и брань. Полицейский, громко ругаясь, пинками прогонял с тротуара человека. Тот, сопротивляясь, говорил что-то быстро и гневно, то и дело размахивая рукой, вернее, тем, что осталось от нее: до локтя рука была отнята. На другой руке, которой он прижимал к телу пустую корзину, не было пальцев. Взгляд его устремлен вдаль... Он слеп! На мостовой были рассыпаны и раздавлены фисташки.

— Не уйду! Я хочу жить! Слышишь? Мы тоже хотим жить! — кричал он полицейскому.

Я встречал раньше этого человека с оспинами на лице. Много лет назад. В Северном Эпире в 1940—1941 годах он и еще многие такие, как он, встали против многих тысяч стальных штыков Муссолини. Потом эти люди шли в горы. В их руках был меч нашей национальной Немезиды, занесенный на оккупантов.

Но однажды на рассвете рядом с этим человеком разорвалась нацистская граната. Она выжгла ему глаза. Оставила следы на лице. Оторвала до локтя одну руку. Как ножом, отрезала четыре пальца на другой.

Но он плакал только потому, что не мог больше идти в атаку.

Конечно же, это он, солдат 1940—1941 годов, партизан ЭЛАС[1] Георгос Григориу. Вы спрашиваете, где ордена и медали, которыми его наградила родина?..

Когда фашистов прогнали, Григориу и его товарищи еще не успели перевязать своих зияющих ран: на их обрубленные руки империалисты уже надели кандалы «западной свободы».

Григориу предстал перед чрезвычайным военным трибуналом. Его обвинители были сотрудниками оккупантов. Обвинение: предательство. Григориу не могут простить, что он жив. Что они не могут разрыть его могилу и бросить собакам его кости, как они сделали с останками пятидесяти тысяч его товарищей, павших в борьбе за свободу отчизны. Приговор: пожизненное заключение.

Много лет пробыл в тюрьме Григориу. И теперь, чтобы заработать себе на хлеб, он продает фисташки. Но на «аванпосте НАТО» фисташки кажутся динамитом. Жандарм во имя атлантической свободы личности вышибает из его рук корзину, выталкивает его с рынка, гонит с улиц.

— Тебе запрещается продавать фисташки. Заработанные деньги ты отдаешь заключенным коммунистам.

Григориу, который семнадцать лет назад перестал видеть и пролил свою кровь ради отчизны, сейчас, в 1961 году, в этой отчизне не имеет права даже продавать фисташки, чтобы прокормиться...

Преклоним колени!..

Да, такая трагедия не была написана. Победители гитлеризма были выданы квислингам.

Глезоса приговаривают к смерти за предательство. Глезоса судят как шпиона. Разве может быть что-нибудь циничнее этого! Глезос просидел в тюрьме десять лет. Четырнадцать лет томится в тюрьме Антонис Амбательос, генеральный секретарь профсоюза портовых рабочих, который в годы войны освободил и передал греческие корабли союзникам.

Когда Глезос срывал свастику, гитлеровская марионетка Темелис издал приказ, гласивший: «Всякий, кто употребит против немцев оружие, не грек». В наши дни Темелис занял пост вице-министра обороны.

Глезосов распинают на крестах, чтобы темелисы могли сидеть в министерских креслах.

Один из десяти первых партизан ЭЛАС, один из группы храбрецов, которые в 1942 году взорвали мост через Горгопотамос, чем решительным образом содействовали победе под Эль-Аламейном, капитан Фанос (Фотис Мастрокостас), умер в тюрьме после шестнадцати лет заключения. В то же время правительство темелисов освобождает военного преступника Макса Мертена и амнистирует восемьсот пятьдесят подобных ему.

Никандрос Кепесис в 1944 году спас Пирей от взрыва, который подготавливали немцы. В 1946 году его сажают в тюрьму, где он томится по сей день, несмотря на то, что пирейцы выбрали его в 1951 году депутатом в парламент.

А Пападопулос, пославший в 1944 году Гитлеру приветственную телеграмму по случаю его «спасения», стал депутатом правящей партии и решает судьбы Греции.

Доксула Макри, личная секретарша Мертена, которая делала ему подарки в то время, как посланные Мертеном карательные отряды расстреливали гречанок, сейчас жена министра. А жена политического заключенного Цангаракиса, доведенная до отчаяния нищетой, покончила с собой...

Шесть тысяч крестов поставил Древний Рим на Аппиевой дороге. На каждом кресте был распят спартаковец.

В Греции только с 1946 по 1952 год неофашизм в концлагере Юра воздвиг шестнадцать тысяч крестов для героев Национального Сопротивления.

Преклоним колени...

Одеты камнем

Тюрьме Керкиры позавидовала бы и Бастилия. Построил ее англичанин, губернатор Ионических островов Мейтлэнд. В 1830 году, сразу же после революции 1821 года. Ее воздвигали для народных борцов Ионических островов, для устрашения тех греков, которые боролись против иностранного господства. Предание говорит, что английский инженер, построивший эту ужасную тюрьму, сам попал туда за какие-то злоупотребления и лишился рассудка в одной из ее камер. Тюрьма построена именно с таким расчетом: свести с ума заключенного. В мае 1952 года семнадцать политических заключенных этой крепости были увезены в дом для умалишенных.

Тюрьма разделена на десять отсеков. В каждом из них двадцать три камеры. Со всех сторон она окружена высокими крепостными стенами, которые позволяют видеть только небольшой кусочек неба, словно из колодца. Семь тяжелых, железных дверей захлопываются за заключенным, когда он переступает ее порог.

Над входом Мейтлэнд начертал слова из Дантова «Ада»: «Оставь надежду навсегда». Это — первое мрачное предупреждение. И когда седьмая дверь захлопывается за заключенным, попавшим в эту тюрьму, он ощущает холод в сердце. Словно тяжелая плита навсегда легла на его могилу.

Мрачные и всегда полутемные коридоры настолько узки, что заключенному видится, как стены падают на него и сжимают с боков. И зимой и летом они покрыты толстым слоем плесени.

Еще в 1945 году сюда были заключены сотни борцов Национального сопротивления. Двести из них вышли из этой тюрьмы, чтобы отправиться на расстрел.

Каждая камера была выстроена для одного заключенного. Впрочем, она мала даже и для одного. А сейчас в каждой камере держат троих-четверых. А иногда и пятерых. В каждом отделении вместо двадцати трех часто содержатся до восьмидесяти пяти политзаключенных.

В этой тюрьме долгое время находился Манолис Глезос. Вместе с Манолисом в камере было еще двое его товарищей.

...Три деревянные кровати занимают всю камеру. Едва остается место для кувшина с водой и параши, которая остается в камере весь день. Заключенные находятся в этой камере двадцать три часа в сутки. Солнце никогда не заглядывает сюда. У самого потолка узкая щель — в восемьдесят сантиметров длиной и десять высотой — должна изображать окно. Железная решетка почти наглухо закрывает и эту щель. Зимой даже в полдень в камере темно. На стенах проступает вода. Личные вещи постоянно пропитаны сыростью. И все запрещается: книги, писчая бумага, смех, песни, запрещается угостить сигаретой товарища по заключению. Манолис Глезос «в нарушение закона», спрятавшись за дверь, рядом с парашей варил в консервной банке яйцо, сжигая по кусочкам свою старую нижнюю рубаху.

В некоторых камерах до сих пор сохраняются цепи, которыми приковывали к стенам заключенных. Эти цепи не раз надевали и на борцов Сопротивления. В кабинете начальника тюрьмы висят дубинки, около десятка. Еще пятьдесят дубинок и несколько винтовок находятся в тюремной церкви. Одной из этих дубинок 29 декабря 1949 года был избит Манолис Глезос. Остальные были обломаны о головы других политических заключенных.

В пятнадцати километрах от города Кания (Крит) есть полуразвалившаяся турецкая крепость Идзедин, построенная в XVIII веке. Это тоже тюрьма для политических заключенных. В 1954 году министр при премьере Раллис заявил: «Заключенные будут переведены в другую тюрьму, так как Идзедин, несмотря на ремонт, не может обеспечить безопасности заключенных».

Идзедин продолжает быть тюрьмой и в 1961 году.

Другая старая турецкая крепость, Еди-Куле, находится в Салониках. Эта не поддающаяся описанию могила используется с 1945 года как тюрьма для политических.

И самая большая тюрьма для политических заключенных на острове Эгина — тоже старое здание, построенное еще в 1829 году, не имеющее даже самых элементарных условий для жизни людей.

В таких средневековых крепостях и в «современных» цементных могилах, подобных Юра, которую даже высшие служащие министерства юстиции назвали «адом», вот уже семнадцать лет томятся борцы Сопротивления.

Кричат цифры

В этих тюрьмах — 1 514 политических заключенных, в том числе 19 женщин. В большом концлагере на острове Агиос Евстратиос —

---

[1] ЭЛАС — Народно-освободительная армия Греции, сражавшаяся с гитлеровскими оккупантами.

ДИЯ

Герой Национального сопротивления в камере. Рисунок греческого политзаключенного.

240 ссыльных. Еще в семи местах ссылки — 8 человек. Высланы в различные города и деревни еще 311. Всего лишены свободы 2 073 борца Сопротивления.

Четырнадцать политических заключенных многие годы просыпаются на рассвете, думая, что наступает их последний день. Это смертники. Еще 879 даже не знают, сколько они пробудут в тюрьме. Те годы, что прошли, не в счет. Считаются только те, что еще впереди. Эти осуждены на пожизненное заключение. Они проведут в тюрьме весь остаток своей жизни. Смерть, медленная, мучительная. Остальные 601 осуждены на меньшие сроки, обычно около двадцати лет. Лишь немногие — до десяти лет.

559 ссыльных уже долгие годы лишены свободы без всякого обвинения, без суда. Шестнадцать лет на скале Прометея. Когда же кончится никем не названный срок их заключения? Никто не знает.

Из 1 514 заключенных борцов Сопротивления 820 сидят семнадцать лет в тюрьме за «убийства», которые они «совершили» в боях против немецких захватчиков и предателей родины.

Почти половина тех, кто сидит за решеткой и в концлагерях, осуждены за действия в защиту мира, национальной независимости и демократии уже после оккупации. Их обвиняли в «предательстве» и «шпионаже».

Кто они, те, кому разрешено смотреть на небо своей родины только через тюремную решетку? Вот фаланга мучеников. Рабочие — три с лишним «пятилетки» в оковах. Крестьяне — семнадцать непосеянных посевов, семнадцать неубранных урожаев. Затем следует узница Мысль — интеллигенты. Прибавьте опечатанные лавки и пустые мастерские — кустари, ремесленники, торговцы и предприниматели. Сгорбленные от долгих лет, проведенных за письменными столами, проходят перед вами заключенные — бывшие государственные служащие. Развеянные мечты о науках — студенты. Заключают этот трагический список люди без определенных профессий. Эти не успели приобрести профессию. Слишком молодыми их бросили в тюрьмы! 27% политических заключенных принимали участие в войне 1940—1941 годов на передовых позициях, 7,3% имеют ранения, 23,7% политических заключенных прошли через камеры пыток в гитлеровских концлагерях. Теперь во дворах тюрем они поднимают свои знамена — костыли инвалидов.

Ржавеют на каторгах медали за доблесть, военные кресты, ордена и награды за мужество в войне с фашизмом. 4,5% политических заключенных были награждены в те годы орденами и 2,2% отмечены за храбрость.

Людей, изувеченных в боях за родину, лишают самого необходимого. Прочтите это письмо:

«Ногу я потерял в бою против немцев... Как вы знаете, чтобы носить протез, нужен специальный инвалидный чулок. У меня он давно износился. Один бывший заключенный, тоже инвалид, выслал мне такие чулки. Но начальник тюрьмы Алексопулос запретил передачу инвалидных чулок в тюрьму...

Апостолос Гиоргакис.
Тюрьма Эгины».

Трагический хор

Теперь выходит на сцену трагический хор. Измученные матери и жены, не знающие смеха, осиротевшие при живых родителях дети. Иссякшие слезы, голод, жестокое одиночество, страх и бессонница, стон и все иглы тернового венца издевательств — тяжкий крест тех, кто не осужден никаким судом, но обречен на пожизненную муку.

Вот мать заключенного борца Танаса Маркакиса из Аристины (Эврос). Целое столетие на ее плечах: ей 94 года! Она заслужила право отдохнуть. Но нет! Она должна разрываться на части, заботиться о пяти девочках — дочерях своего сына, который семнадцать лет по тюрьмам! А младшая из них еще ослепла. От нужды! И вот этому отцу пятерых дочерей, старухе и слепому ребенку достоящие у власти и их хозяева из НАТО отказывают в амнистии.

Аннула Мавру с пеленок до савана не знала своего отца. Он, Димитрис Маврос, шестнадцать лет в тюрьме. Ребенок умер от лишений. Что еще можно к этому добавить?

Двадцать три года таяла у ворот тюрем Стелла, жена народного борца Георгиса Илиопулоса. Он, тогда зрелый мужчина, оставил ее молодой красивой женщиной. Недавно он вышел из тюрьмы, больной старик, дядя Георгис. Вернулся... А его Стелла как раз в этот момент уходила туда, откуда нет возврата. Двадцать три года!.. Бросился старик к ее подушке, чтоб бороться со смертью, чтоб спасти жизнь своей подруге, товарищу по борьбе, единственному родному человеку, который у него был. Только кости остались от Стеллы. Рак. И она, ждавшая двадцать три года, в этот час встречи только и успела сказать:

— Устала! Устала я, Георги мой!..

— Такая судьба моя злосчастная...— пробормотал дядя Георгис.

В двух тысячах семейств разыгрываются подобные трагедии.

При одном опросе 570 политических заключенных обнаружилось 38 случаев, когда в тюрьме находится два-три человека из одной семьи (отцы и дети или братья).

600 семей политических заключенных не имеют сегодня никого, способного принести домой заработок. 26,7% узников женаты. Жены их растратили жизнь у тюремных ворот и в коридорах министерств, добиваясь справедливости и амнистии. 21,4% — отцы. И 19,7% имеют несовершеннолетних детей. Детей, которые никогда не знали отцовской ласки! Детей, которые в возрасте 10—12 лет тяжелой работой должны добывать кусок хлеба. И все потому, что их отцы хотят мира, хлеба и школ для всех детей земли.

Прометеи должны быть раскованы

Почему правители Греции не хотят положить конец этой непостижимой трагедии? Разве не насытилась их ненависть к Национальному сопротивлению? Потому что политические заключенные — это заложники. Заложники империализма против греческого народа, против его борьбы за мир, за национальную независимость и демократию.

«Вот какая судьба уготована для всех, кто осмелится, подобно Глезосу, выступить против американократии, против НАТО, против ограбления народа!» — так говорят правители Греции, пугая народ.

Чтобы сделать заложничество более эффективным, заключенных уничтожают не сразу, а создают условия для медленной смерти. Правительство старается, чтобы узники умерли. Но не все сразу, а постепенно. Чтобы становилось известно, не забывалось, что они умирают, страдают, подвергаются мучениям и издевательствам.

И они действительно умирают. Нет политических заключенных, у которых было бы меньше пяти болезней. А у некоторых их по десять — двенадцать. А те, кого выпускают, умирают вскоре после освобождения. Спасение политических заключенных — это долг человечества.

Тела заключенных стали скопищами всех болезней. Однако дух их остался несгибаемым. Таким же несгибаемым, как и их оптимизм, как их вера в жизнь и в будущее. Они поют:

Не беда, что поседели наши
волосы,
Что наша молодость распята
По тюрьмам и ссылкам!
Посеянное нами даст урожай
Наших завтрашних побед.

Эти непреклонные борцы за мир должны быть спасены.

Эти Прометеи должны быть раскованы.

Трагедии этой должен быть положен конец.

Афины.

Здесь была выгоревшая степь.

Вторая встреча с м

Леонид КОРОБОВ

Все это было словно вчера, хотя с того августовского рассвета прошло уже более девятнадцати лет. На северо-западе от Курмана, на Ишуньских позициях, гремели разрывы немецких снарядов; на юг — к Севастополю и на юго-восток — к Керчи из-за Перекопа летели зловещие косяки «юнкерсов». Прямая, точно стрела, дорога от Чонгара на Симферополь, как и вся рыжая от жнивья степь, была пустынна: ни деревца, ни человека. Мертвая земля.

С грехом пополам в предутренней темноте добрался я с линии фронта — с Перекопа — до Курмана. За одним из его домишек на окраине работал замаскированный радиомаяк. Ежедневно группы бомбардировщиков стартовали на запад и в море — громить противника. И маленькая радиостанция, спрятанная за курманским домишком, помогала нашим авиаторам.

Я хотел рассказать читателям об этом незаметном друге летчиков, замаскированном пшеничной соломой...

У служителей маяка материал был взят. Оставалось добраться до Симферополя и передать его в Москву, в редакцию. Но случилось непредвиденное: у автомашины на диске заднего колеса шпильки оказались наполовину срезанными. На другой окраине Курмана находилась МТС. Ворота ее усадьбы были открыты, а людей не видно. Внезапно откуда-то из-за трактора появился высокий человек. Он подошел к машине, поздоровался, спросил, кто я, и осведомился о фронтовых новостях. А потом, осмотрев колесо машины, покачал головой: «Вы и двух километров не проехали бы, слетело б колесо».

Мы познакомились. Предо мною был директор МТС Илья Абрамович Егудин. Он распорядился сменить шпильки, проверить, не нуждается ли еще в чем фронтовая машина, и сел на ящик.

— Ну и места же у вас, Илья Абрамович! Прямо, можно сказать, бог их забыл, глазу не на чем остановиться, степь да степь...

— Солдату тут, конечно, трудно укрыться, а сейчас что уж об этом толковать...

Мы отправились в мастерскую. Там два слесаря возились с моей машиной. Иногда оттуда в адрес гитлеровцев доносились крутые слова, да и мне, не затянувшему как следует колесные гайки, доставалось. Директор нажарил картошки, достал три помидора, и мы позавтракали.

— А где вы тут воду берете? — спросил я, увидев, как Егудин бережно зачерпнул из бадьи полкружки воды.

— С водой у нас туго. Если бы она была в достатке, наша степь давно бы раем стала. Мы ведь мечтали о садах, — в задумчивости проговорил Егудин, — прикидывали на бумаге и счетах. Но для садов требуются люди, средства, машины, вода... Мечтали мы, дорогой товарищ, о виноградном Крыме... А теперь...

Я ничего не ответил и только посмотрел на сгоревшую под солнцем равнину.

Машина была починена, мотор проверен, и я уехал, поблагодарив рабочих МТС и Егудина.

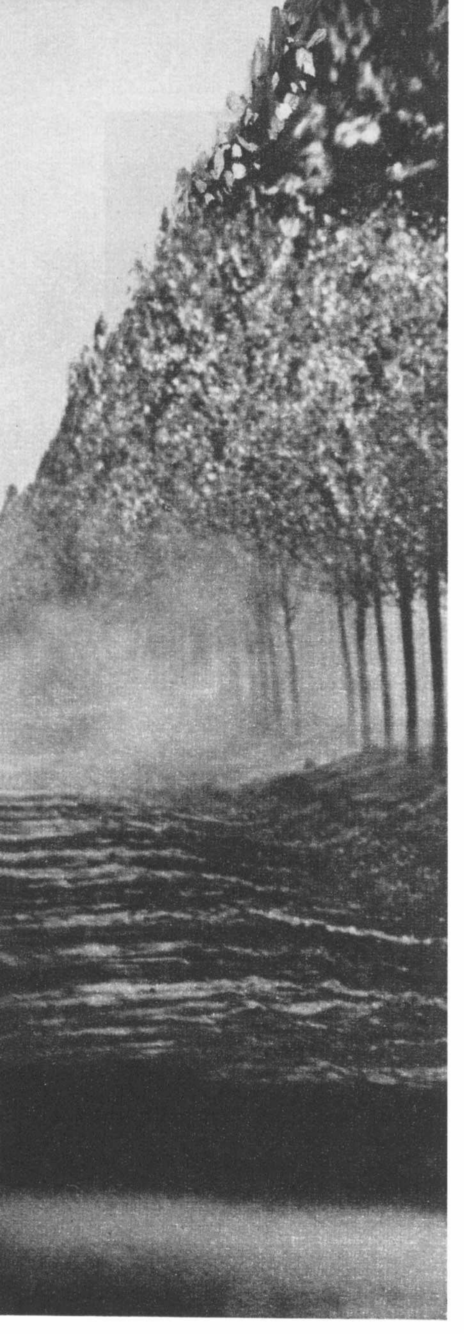
...И вот точно такое же, как и в сорок первом году, солнечное утро. Рассвет точь-в-точь, какой наступал в тот уже далекий день. И дорога — от Симферополя к Чонгару — та же. Та, да не та...

Исчезла выгоревшая степь. Налево и направо от дороги сплошные, четкие полосы виноградников. Аллея идет вдоль автострады.

Ну и степь! Увидели бы ее солдаты, защищавшие Крым, и сказали бы: «Нет, это не та земля, не та степь, в которой было так трудно укрыться от фашистских самолетов».

Но вот и знакомый поворот к Курману. И здесь все изменилось настолько, что трудно вообще узнать эти места. И дома не те и улицы. А зелень! Здесь же не было ни деревца.

И вот он, Егудин, ныне председатель колхоза «Дружба народов». Годы тронули его лицо. По-

— Да, припоминаю,—удивленно протянул Илья Абрамович.— Немцы тогда под Перекопом...— Он умолк, потом вдруг спросил:
— Проездом заглянули?
— Специально приехал посмотреть, как осуществляет степной мечтатель давние свои планы...

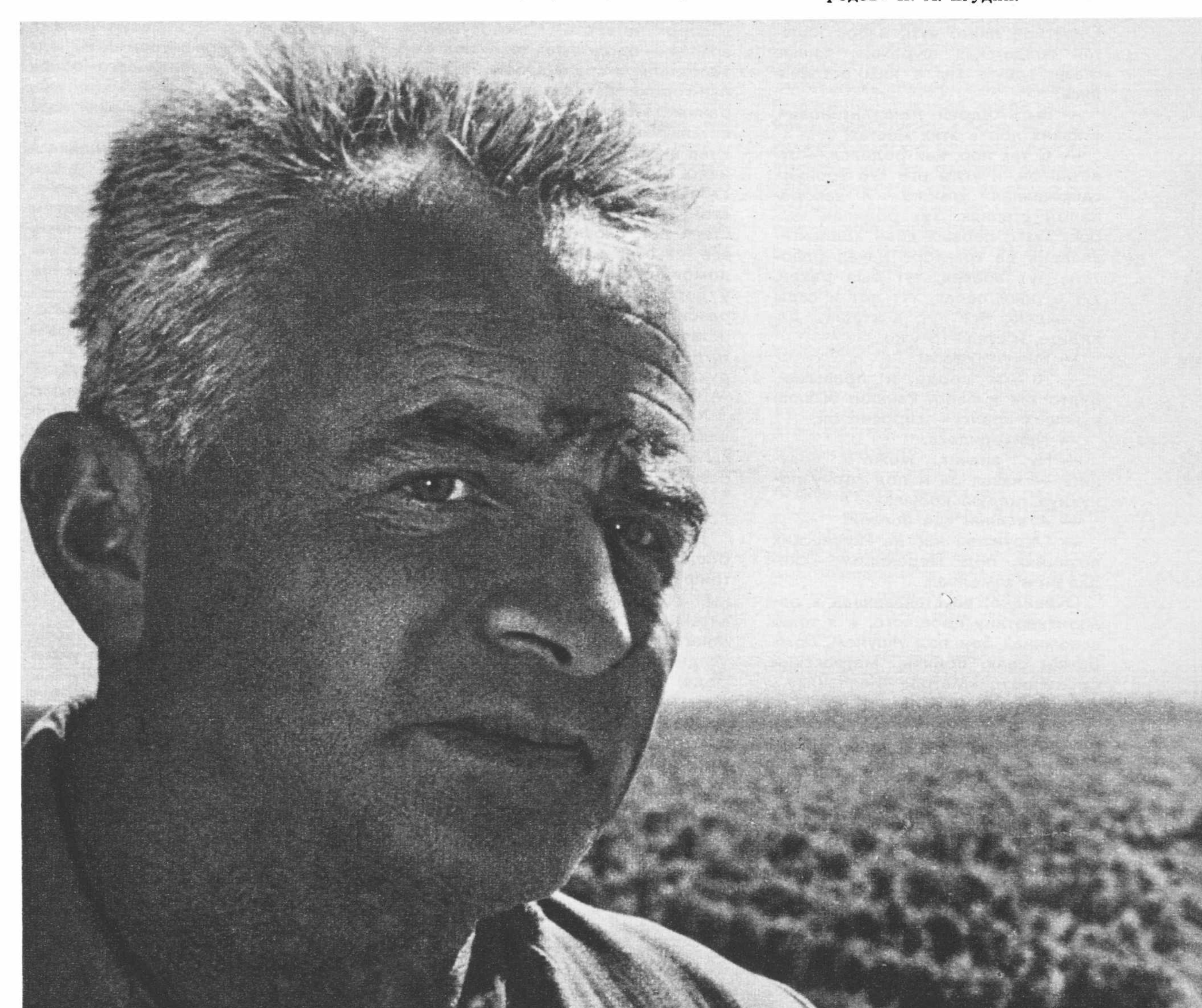
* * *

Мы шли вдоль улицы, дома на которой за кронами фруктовых деревьев трудно было рассмотреть. Я сказал Егудину, до чего хорош стал бывший Курман.
— Да это не бывший Курман, он ныне Красногвардейск,— засмеялся Илья Абрамович.— А это же деревня Ново-Петровка. Колхоз-то наш в ней.
— Так это же город! — сказал я.— Просто город!
— То верно. Разница только в том, что в городах много пыли, а у нас ее нет. Смотрите, сколько деревьев!
Я тут же атаковал Егудина своими вопросами: как решена проблема воды, когда появились виноградники, сады?
— Поездите по хозяйству, посмотрите, поговорите с народом,— неторопливо отвечал Илья Абрамович.— Земли нашего колхоза тянутся с севера на юг на сорок километров.
Подошла «Волга».
— Машина, может быть, вам нужна будет? У нас в колхозе около ста машин. Поезжайте. А чтобы веселее было, агронома в спутники дам.
Машина ехала между садами и виноградниками. Шофер вел ее медленно, и по тому, как иногда взглядывал на меня агроном, я понимал, что люди хотят показать плоды своего тяжелого труда не спеша, обстоятельно, с гордостью.
На небе висело одинокое облачко. В степи был полный штиль. Теплота и тишина, удивительная тишина степи, в которой слух улавливал только один однотонный, протяжный звук, похожий на комариный писк. Облачко нежилось на солнце, и, глядя на него, думалось, будто приплыло оно сюда из далекого края, и, удивленное, очарованное новой крымской степью, остановилось, и не насмотрится.
Мы вышли из машины у одной из плантаций, остановились в воротах, и перед глазами предстала поднятая на шпалерах виноградная малахитовая ширь.
— Возраст этих плантаций,— агроном обвел рукой полгоризонта,— пять лет. Молодые. Теперь у нас виноградников и садов уже более трех тысяч гектаров. Народ превращает Крым в область садов и виноградников.
Когда в пятьдесят шестом году начали массовое освоение виноградарства, на центнер винограда затрачивалось семьдесят семь трудодней. Только-только учиться новому делу начинали. На следующий год затраты снизили до девятнадцати и восьми десятых трудодня, в следующем — до двенадцати, а в этом — до нескольких трудодней. Весь уклад старого виноградарства сломали.
— То есть?
— Если раньше центр возделывания винограда был на юге, в гористых районах, то теперь он переместился в центральную часть и на север Крыма. И культура эта совсем другая, совсем иная. Секреты в виноградарстве оказались не так уж таинственны, как нам кое-кто пророчил. Машины, которые изобретены в нашем колхозе, в степном виноградарстве сделали революцию. И к нам теперь, как на маяк, едут за опытом — даже из Средней Азии, Молдавии, с Кавказа, Дона, Кубани, из стран народной демократии. Ездят и из капиталистических стран.
«Волга» подошла к какому-то совсем неожиданному среди ровных плантаций зеленому островку с большими деревьями — и не фруктовыми, а декоративными.
— Вот наш центральный университет.
Агроном провел меня к красивому дому, окруженному клумбами и разнопородными деревьями. Здесь были сирень, ивы, жасмин, розы, разные сорта акаций. Шестьдесят пород деревьев растут вокруг этого дома, свидетельствуя: в степи может подняться любое растение. Этот дом в колхозе называют «мичуринским». В нем летом бригады проводят производственные совещания, а зимой — агрономические и технические занятия. Колхозникам учиться приходится много.
...Одинокое облачко по-прежнему висело на том же месте. Оно вытянулось и походило на застывший в вышине серебристый дирижабль. Полевой коршун долго парил над садами и плантациями и, ничего не приметив в них для поживы, улетел в сторону полей.
— Эй! — окликнул агроном мужчину, который проезжал мимо на бедарке.— Останови-ка! Товарищ хочет поговорить с тобой, Андрей Константинович.
— Ну, что ж, добре,— ответил тот.— Прошу в мой «вездеход»,— улыбнулся он.
Хозяин бедарки, бригадир бригады коммунистического труда Серый — я уже о нем премного был наслышан,— очевидно, дожидался моих вопросов, я же ни о чем не расспрашивал его, пытаясь разобраться в своих впечатлениях. Несколько раз взглядывал

Фото Ю. Кривоносова.

аяком

седел. Деловито спрашивает, чем может быть полезен. Не узнает, не помнит. Не мудрено. Та единственная наша встреча была короткa. Он спрашивает, не заготовитель ли я овощей и фруктов.
— А много их у вас, овощей и фруктов? — спросил я.
— Сколько вагонов надо? — осведомился он.— Можем предложить лук, помидоры, огурцы, арбузы, дыни, консервированные овощи — это летом, а в сентябре — виноград. Степь наша может поставлять ныне все это целыми эшелонами.— Он улыбнулся... Потом, всмотревшись в мое лицо, задумался, взглянул в окно, за которым среди тополей бил фонтан, и сказал: — Где-то я вас видел, а?
— Да, мы встречались. Правда, один раз... В августе сорок первого... В МТС, где вы были директором.
Илья Абрамович оживился.
— Помните охромевшую машину военного корреспондента? — продолжал я.— Да еще механик ваш ругал меня за то, что не затянул на колесе гайки.

Председатель колхоза «Дружба народов» И. А. Егудин.

ЗА РЕШЕТКАМИ БАРБЕРУССЫ

Анри АЛЛЕГ

Отрывки из книги «Бойцы в плену»

1958 год.

Восемь казней меньше чем за месяц: 25 января — одна, 8 февраля — две, три — 17-го и еще две — на следующий день. Тюрьма погрузилась в атмосферу смерти и траура: кто знает, что несет с собой грядущая ночь.

Когда с сигналом «отбой» закрываются наглухо дверные оконца и кто-нибудь из смертников изловчится в такую минуту переброситься с нами дружеским словом, ни у кого не хватает решимости — из-за нелепого суеверия, в котором сам себе не смеешь признаться,— пожелать ему в ответ «спокойной ночи». А вдруг она станет последней для него? На смену тревожным ночам приходят печальные дни. Часто отменяются прогулки. Здесь разные причины: голодовки, иногда нехватка надзирателей — распоряжением администрации тюрьмы они вдруг приданы конвою — или потому, что идет дождь. Три дня мы не выходим ни на минуту из камер, и только дважды после поверок раскрываются наши двери, чтобы выставить в коридор грязные котелки, и еще раз, когда входит охранник прощупать решетки.

Гнетуще, томительно, бездейственно тянутся часы, и ни у кого нет желания нарушить тягостное молчание. Один из нас поднимается, делает несколько шагов по узкому проходу между тюфяками, от стены до двери и обратно, потом усаживается — невыносимо для натянутых нервов это шлепанье подошв по полу...

Когда же наконец мы снова очутились в сыром дворике, который нам отведен, мы осматриваем друг друга — обросшие, измученные, осунувшиеся, словно давно не видались.

— Настоящие арестанты!

Целый час мы болтаем, ходим из конца в конец двора. Время от времени, когда отлучается надзиратель, руки невидимого человека прикладываются к частой решетке слухового окна камеры приговоренных к смерти, и чей-то голос приветствует нас.

В начале декабря, когда в Барберуссе не удалась попытка к бегству, начальник тюрьмы приказал оковать железом все двери отделения смертников; приговоренных к казни водворили в их прежние камеры. Дверные окошки забиты железом, свет и воздух проникают через отверстия, просверленные в железных щитах, и в подвалах еще более мрачно и темно.

Никогда еще слова неизвестного поэта, сложившего «Песню Барберуссы», не отдавались с такой болью, как сегодня, в сердцах заключенных:

Струись, моя кровь, пылайте, раны,
Вгрызайтесь, цепи, в тело мое,
Пусть воет в груди ненависть!
Тюрьма! Ты алтарь, на который приносятся жертвы,
Ты перекресток гордых встреч,
Ты даешь познать вечность!
Ты, ты, ты, о Барберусса!

Вечерний обход — всегда он в десять часов — уже окончился, окошки, прорезанные в дверях одиночек, были закрыты, и в общих камерах все улеглись, как вдруг раздалось топанье многих ног и на центральной площадке появились жандармы.

Что им здесь нужно в такой поздний час?

Они начали эвакуировать общую камеру, в глубине коридора. Слышно, как заключенные спускаются во двор. Из нашего слухового окошка нам видны люди, их несколько сот; они, скрючившись на черном асфальте, просверленные яркими лучами электрических ламп, опустились на корточки. С одеялами на плечах, кружкой и деревянной ложкой в руке, они словно собрались дождаться здесь утреннего кофе. Жандармы с автоматами в руках не спускают с них глаз.

Ключи поворачиваются во всех замках нашей камеры. Начальник поста С. сам открывает

См. «Огонек» № 45.

на возницу, а тот — на меня. Округлое лицо, чуть набок надетая солдатская фуражка, живые глаза: где-то мы с ним встречались!

— Вы, Андрей Константинович, с каких пор в этих местах?

— С тех пор, как родился,— ответил он, и углы его губ тронула сдержанная улыбка.— Я закоренелый степняк. Тут родился, вырос. Тут с первых дней коллективизации на тракторе начал работать, тут воевал, тут был ранен, тут в плен попал, тут вот и сады насаждаю. Все тут, в степи... Да, видите, и степь-то уже...

— Вижу! Чудеса!

— А мы вроде и привыкли. Будто так и надо. Раньше бывали в наших краях? — спросил он.

— Приходилось.

— Ну, значит, можете сравнить,— сказал он и под горку понукнул гнедую кобылку.

— А в плен где попали?

— Окружили нас на Ишуньских позициях, под Перекопом,— сказал он и замолчал.

Очевидно, восстанавливал в памяти картину прошлого, а я тоже вспоминал бои под Ишунем, бомбежки села Воинки, матросский бронепоезд «Матрос Железняк»...

— Прижал нас немец к морю и взял... И застрелиться-то было нечем — все патроны расстреляли. Гнали нас в Николаев, в лагерь. А из николаевского лагеря я убежал.

Лошадь шла шагом, а мне хотелось, чтобы она шла еще медленнее, чтобы мы дольше поговорили.

— Ну, а потом, после скитаний, в сорок четвертом, снова ушел в армию,— продолжал он,— под Севастополь, и сразу в бой. Под Сапун-горою автоматной очередью ранили. Потом Астраханский госпиталь. Списали совсем из армии. Рука висела, словно ветка. А жить надо. Добрался до дома, сюда, в степь. Подошел к родным местам, стою и глазам не верю: ничего в степи нет, словно Мамай прошел, все выжжено, разрушено — ни домов, ни людей, ни скотинки. Сел у дороги и заплакал... Пришел в разбитую деревню. Жинка живой осталась. Слезы, конечно. Рукой-то даже обнять не могу — мертвая рука. Отдохнул неделю и в свою МТС, в Курман.

Андрей Константинович замолчал. Впереди в степи, уже настоящей старой степи, показался оазис. Сквозь деревья виднелись белые дома. Мы въехали в поселок, в котором жил бригадир.

Дома каменные, простой и хорошей архитектуры. Все они электрифицированы и радиофицированы. Над многими из них — телеантенны. Водопроводные колонки. Много фруктовых деревьев на усадьбах. И люди одеты, как в городе.

— Знакомьтесь, это моя жена, Надежда Назаровна,— весело сказал Андрей Константинович, когда мы пришли к нему. — Если будете умываться, то водопроводная колонка в садике... — Он сходил в дом, вынес полотенце, мыло.

— Вы по какой линии служите? — спросил он меня.— Тоже механизатор?

— Не помните, как вы однажды в августе сорок первого года в мастерской Курманской МТС одному корреспонденту автомобиль чинили?

Он посмотрел на меня изучающе.

— С Перекопского перешейка я приезжал к вам...

— Так, так! — воскликнул он.— А ведь действительно так. Еще и ругали мы вас за гайки. Скажи, пожалуйста, помню ведь! Вот уж верно сказано: гора с горой не сходится...

Мы вспомнили то трудное лето, покурили, потом перешли к разговору о нынешних делах:

— Начинать стоит, пожалуй, с пятьдесят третьего года. Сады-то стали в тот год разводить! Дали нашей бригаде инвентарь. А он никак для виноградников не подходит. Приезжали к нам инженеры, конструкторы, но сами-то они степное виноградарство видели впервые. Ничего не получилось. Тогда мы в своих мастерских инвентарь приспосабливали. Делали и новый.

— Мало выпускают машин?

— Чепуху выпускают. Работы уйма, и инвентаря требуется уйма. А его не хватает. Не то, чтобы мы бедны, мы всю МТС когда-то купили и можем еще купить несколько таких же. Главное — что машины не те. Приходится самим изобретать. Раньше сажали виноград при помощи ломов. Наши механизаторы изобрели гидробуры. Колья под шпалеры сначала тоже устанавливали вручную. Трактористы механизировали установку кольев. Отношение к делу у людей другое стало — творческое, по-настоящему хозяйское. Почувствовал крестьянин: хорошо жить станет, когда обо всем хозяйстве, как о своем собственном, печься будешь. То наше, а то мое... А тут о нашем голова болит, как о моем. Понятно?

Было так: отработал — и домой. А сейчас крестьянин, как посмотрит на сады наши и виноградники, на дороги, да на аллеи, на новые поселки с водопроводами, клубами, на дома с радиоприемниками, телевизорами, на строящуюся школу-интернат, стадион, Дом культуры, так и чувствует: не за горами он, коммунизм-то... Народ не только работает. Все учимся... Теперь без этого нельзя. Знаете, сколько у нас в колхозе учится заочно в техникумах и институтах? — спросил он, глядя на меня. Я ждал. — Более двухсот человек!

Потом Серый повез меня на центральную усадьбу. Первое, что бросается здесь в глаза,— сплошной зеленый массив. Затем глаз начинает различать в зелени садов и виноградных плантаций корпуса каких-то заводов. Правда, над этими корпусами нет ни труб, ни дыма. Но это заводы — винодельческий и консервный. Вино в бутылках с этикетками колхоза «Дружба народов» встретишь на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В прошлом году эти заводы дали колхозу прибыли около двадцати миллионов рублей (в старых деньгах), а на их строительство затратили всего два миллиона рублей.

двери; позади него десять вооруженных великанов, вырядившихся в кожаную амуницию, стоят в едва освещенном коридоре. Помощник старшины — тип старого, колониального солдата, форменная фуражка сдвинута на затылок — сухо приказывает:

— Выходите и раздевайтесь! — Повернувшись к своим людям, он добавляет: — Той частью коридора займемся позже.

Вторая группа жандармов обыскивает общую камеру, ту, что в глубине крытого перехода; сейчас оттуда всех вывели. И пока идет обыск, гора бумаг и тетрадей все растет по другую сторону решетки.

Нас человек двенадцать, раздетых догола; мы стоим у дверей закрытых камер в ожидании осмотра, которым будет руководить помощник старшины. Вот он уже идет вдоль нашего ряда, освещая нас карманным фонариком, внимательно вглядывается в каждого, открывая нам рот, заглядывая в ноздри, в уши, грубо запуская руки в волосы, тщательно ощупывает одежду, валяющуюся на полу.

Во втором корпусе производится та же операция.

— Здесь психически больные. Вы будете их обыскивать?

— Да, открывайте... Приказано.

Этажом ниже вырисовываются силуэты изможденных больных.

Позади нас камеры, в которых не успели еще побывать ночные гости. Из отверстия в дверном оконце раздается голос. Он спрашивает шепотом:

— Что они делают? Бьют?

— Нет. Ищут что-то, роются, хватают все тетради...

За дверью тихо смеются.

— Наверное, хотят найти новый «Допрос под пыткой»!

Вся Барберусса знает об этом событии. И раньше всех стало известно оно заключенным. Они одинаково довольны и тем, что разоблачены их истязатели, и тем, что такой документ мог быть написан в стенах тюрьмы. Знают и надзиратели, которым намылило шею начальство за промашку в их работе, как, впрочем, нагорело и начальству от самого высокого начальства. Однако они не решаются наказать главного виновного: ведь дело теперь уже вышло за пределы тюрьмы.

Есть среди надзирателей-европейцев маленькая группа людей, которая и в этих условиях не оскорбит никогда человеческого достоинства заключенного. Конечно, таким надзирателям приходится быть чрезмерно осторожными, ибо здесь, в атмосфере расизма, любой их добрый поступок может быть расценен начальством как опасный, а совершивший его зачислен в списки подозрительных лиц. Поэтому те несколько алжирцев европейского происхождения, которые внутренне сопротивляются расовой неприязни, замыкаются в себе, опасаясь провокаций и разоблачения. В Барберуссе к их числу относится И. Он никогда не раскрывал своих подлинных чувств к нам, но мы имели возможность оценить его вежливость и корректность — качества, которые здесь совсем нетрудно заметить.

За несколько дней до ночного налета жандармов И. вошел к нам в камеру проверить решетки. Воспользовавшись тем, что он был один, И. обронил перед уходом кусок скомканной газеты и сказал:

— Это очень здорово, то, что вы сделали... Уничтожьте, когда прочтете.

Это была вырезка из парижской газеты о книге «Допрос под пыткой». И. понимал, что у него могут быть серьезные неприятности за то, что он нам передал газету. Но, рискнув, он хотел показать свое доверие и расположение к нам. Это все, что ему нужно.

— Вы знаете, что мне напомнил его приход? — говорю я моим товарищам.— Убежище госпожи Но. Помните?

Они, конечно, хорошо знают эту историю. Разве можно такое забыть?

Один мой друг и я должны были спешно оставить пристанище, где нас укрывали: адрес перестал быть надежным. И действительно, назавтра после нашего ухода дом был окружен парашютистами. Они перерыли все вверх дном. В ожидании постоянной явочной квартиры мы не знали, где нам временно укрыться, и мы тщетно искали крышу, под которой можно было бы провести одну или две ночи, чтобы никого не подвергать опасности: в Алжире на каждом шагу патрули и проверка. Отчаявшись, мы решили обратиться к госпоже Но., муж которой находился в лагере. Ясно было, что за нею следили, что она была под подозрением, но другого выхода у нас уже не было. Мы знали ее как добрую женщину, хорошую мать, преданную своим детям, но весьма далекую от нашей борьбы. Узнав нас, несмотря на то, что мы были переодеты, она побледнела.

— Мы не пришли бы к вам, будь у нас какое-нибудь пристанище,— сказали мы.— Если вы согласитесь, мы не задержимся здесь дольше одной ночи.

Она была в ужасе.

— Нет, нет! Я совсем не из храбрых... Я всего опасаюсь. В семье только одна я и работаю... Муж в лагере... У меня двое детей... Если со мною что случится...— И добавила с некоторой нерешительностью: — Вы сами знаете... Людей пытают, требуют, чтобы они все рассказывали... Я не могу... Я безумно боюсь...

Рядом стояла ее дочь, молчаливая, невозмутимая, словно она не могла ни противоречить матери, ни согласиться с ней.

Мы были в коридоре и уже собрались уходить, когда госпожа Но. вдруг резко остановила нас:

— Нет, это невозможно... Не могу вас отпустить. Да, я безумно боюсь, но... оставайтесь!

Только сейчас в первый раз улыбнулась ее дочь.

— Пойдемте пить кофе,— сказала она.

Мы узнали позже, что она была участницей алжирского Сопротивления. От матери она скрывала это.

* * *

В тюремном зарешеченном фургоне мы въезжаем во двор Дворца правосудия. Нас пятеро — четыре политических и один мошенник высокого полета: присвоил восемьдесят

Обо всем об этом с увлечением рассказывал мне Василий Иванович Майоров, заместитель председателя колхоза, обстоятельный человек, полный энергии, жажды деятельности.

Я расспрашивал Майорова о доходах колхоза, о механизации этого огромного хозяйства.

— Бывают дни,— говорит Василий Иванович,— когда в кассу колхоза поступает тысяч по сорок пять. Вот вы о механизации спрашиваете. Я вам такую цифру назову: в прошлом году в нашем колхозе на каждый двор было выработано по семь с половиной тысяч киловатт-часов. Как вы думаете, судя по-ленински, не настает ли коммунизм в «Дружбе народов» уже сегодня? А? Электрификация у нас полная, механизация почти полная да плюс Советская власть! — И он, толкнув меня в бок, весело засмеялся.

Маяк! Маленький военный радиомаяк на окраине Курмана передал здешней земле свою боевитость. И сам колхоз, выросший в этом уголке крымской степи, стал теперь маяком.

В поселках, умно распланированных, облагороженных деревьями и цветами, снабженных водопроводом, электричеством и радио, люди стараются как можно быстрее освободиться от старого быта. В помощь колхозникам пришел комбинат бытового обслуживания. Женщинам теперь не надо заниматься дома швейным делом: к их услугам ателье. Тут же большая мастерская по ремонту обуви.

— Вы обратите внимание,— говорит мне Егудин,— из нашего лексикона постепенно уходят такие слова, как «изба», «хата», «деревня», «ухабы», «колодезь» и многие другие. Заменили их слова новые: «городок», «колонка», «грейдер», «аллея» и тому подобное.— Он помолчал и добавил: — Я понимаю, конечно, что не всюду еще так хорошо, как у нас, но к этому же идем. На это нас партия нацеливает. Мы как бы пионеры. И мы рады, что сумели доказать: можно быстро и хорошо строить новую жизнь. И люди, главное, люди меняются. Смотрите, что происходит. Родился человек, и с самых первых дней для него готовы и ясли, и детский сад, и школа-интернат. Мы строим дома для престарелых и еще двадцать два двухэтажных дома со всеми коммунальными услугами. К концу семилетки построим тысячу таких квартир, водопровод тянем, скоро установим ванны в домах, асфальтируем тротуары и улицы.

...Мы шли по дороге.

Илья Абрамович улыбнулся. Изучив его манеру разговаривать, я не спросил, чему он улыбнулся, зная, что он сам потом скажет. Но улыбка была у него добрая, теплая. Так улыбаются люди только при воспоминании о чем-то очень хорошем.

— Никита Сергеевич Хрущев приезжал к нам несколько раз и с нами на месте занимался вопросами строительства в колхозе. После его указаний — а указания-то были детальные — весь наш Красногвардейский район сейчас строится по генеральному плану. Мы было размахнулись в строительстве поселков из одноэтажных домиков. Никита Сергеевич все осмотрел и сказал нам, что мы неправильно строим, что так строить можно было лет пятнадцать назад. Линию надо теперь держать на поселки городского типа.

Илья Абрамович сдвинул брови на переносице. Я недоуменно посмотрел на него.

— Что это вы нахмурились, словно гроза собирается?

— Гроза? — строго переспросил он. — И гроза над колхозами была, да еще какая!

— ??

— Помните, партия снимала путы с колхозов? Дала она тогда нам самое главное — инициативу в вопросах планирования. Тогда в партии против передачи вопросов планирования колхозам выступали и Молотов и иже с ним, все остальные фракционеры, все эти отщепенцы. И вот это-то и была гроза для колхозного крестьянства. Но номер их не прошел. ЦК партии лучше, чем они, жизнь деревни знает.

Он с минуту подумал, глядя на утопающую в зелени улицу, и продолжал:

— Помню, лет шесть назад приехал к нам в «Дружбу народов» Молотов. Ну, мы показали ему наше хозяйство. Колхоз тогда начал сильно набирать темп в своем росте. Приехал, ко всему присматривается и в разговоре прощупывает: мол, как теперь, лучше или хуже стало при новом порядке, когда партия и правительство вопросы планирования хозяйства передали непосредственно в руки самих колхозников? И не лучше ли был старый порядок, когда за колхозы планировали в областных или республиканских центрах? А потом Молотов прямо спросил меня об эффективности планирования непосредственно в колхозах. Что же ему можно было ответить? За ответом в карман лезть не пришлось. Сама наглядная картина перед ним была. Это наша «Дружба народов». Колхоз при самостоятельном планировании успешно развивал все отрасли хозяйства и богател. Ну, я сказал тогда Молотову, что решение партии, как воздух, потребно в колхозах. Оно, это решение, руки развязало сельскому хозяйству... А когда уезжал из колхоза Молотов, я подумал: ну, «Дружба народов», ты сегодня словно выступала на Пленуме ЦК партии, и выступала не с пустыми руками. Доказал наш колхоз правильность решений партии.

Илья Абрамович обвел взглядом свой колхозный город и, подумав, сказал:

— Приезжайте к нам на следующий год и снова будете приятно поражены.

— Опять не узнаю?

— Опять не узнаете!

...Два летних дня: сорок первого и шестьдесят первого годов. Между ними двадцать лет. Годы огня, тяжелого труда, поисков. Оба дня оставили в душе моей неизгладимый след: один — след горя, другой — след радости.

миллионов на поставках государству! Жандармы оставляют нас на несколько минут в узком и грязном застенке, который еще омерзительнее, если это вообще возможно, одиночной камеры при военном трибунале. Затем, приковав одного к другому, нас ведут по винтовой лестнице, соединяющей первый этаж с последним, где расположены комнаты следователей по гражданским делам. В зале ожидания, куда нас вводят, — очень смуглый и очень худой мусульманин в мешковатом коричневом пальто. Как только дверь захлопывается, он предлагает нам папиросы; мы обращаем внимание на то, что рука у него как-то странно выкручена. Он поясняет, что когда его арестовали год тому назад в Оране, солдаты сломали ему руку. Кости плохо срослись.

Остальные, привезенные вместе со мной из Барберуссы, были арестованы недавно. Им предстоял вторичный допрос у следователя по гражданским делам. Вероятнее всего, что делом их вскоре займется военный трибунал. Есть среди тех, с кем доставили меня сюда, почти мальчуган; безусый, робкий, он совсем не принимает участия в разговоре. Его товарищ поворачивается к нам и говорит, указывая на него:

— Когда его бросили к нам в общую камеру, мы думали, что он умрет: так он был истощен.

Мальчик короткими, отрывистыми фразами рассказывает о перенесенных им муках:

— Меня пытали в школе... наверху, над касбой.

— Школа Монпансье?

— Кажется... Я не знаю. Били, потом пропускали в нос воду, электричество, подвешивали за ноги, надрезали кожу на шее, чтобы шла кровь. Они говорили: «Не будешь рассказывать — перережем шею по-настоящему, до конца!»

— Этого к судье в девятое,— прерывает один из жандармов, указывая на меня пальцем.

Меня ведут в конец коридора, и там я снова жду у двери кабинета. Читаю табличку: «9-е отделение, судебный следователь г-н Бавуайо». Вот он. Ему под шестьдесят, он огромен. Его темное короткое пальто, наглухо застегнутое, собирается складками на животе. Из-под черной шляпы, очень «судейской», смотрит широкое и красное лицо, на котором нос оседлан очками без оправы.

Разбирая свои папки с делами, он бросает на меня время от времени взгляд поверх очков. Потом своим густым голосом он разъясняет причину моего вызова сюда:

— Я хочу вас допросить в качестве свидетеля по делу Мориса Одена — мне поручено его расследовать. Я не хотел брать такое поручение, ибо не считал, что вы сумеете ответить без предвзятости, но прокуратура от меня этого требует...

Без предвзятости! Одолевали ли его такие же сомнения, когда он выслушивал показания палачей?

— ...Меня интересует только одно, не нужно вдаваться в подробности. Я прошу вас, не уклоняясь, ответить на такой вопрос: был ли Морис Оден в состоянии ходить самостоятельно в тот последний раз, когда вы его видели?

Следователь заранее знает, что я отвечу. Это уже оглашено публично, я уже писал, что видел Мориса в последний раз в «распределительном центре» в день моего ареста. Его пытали накануне. Неузнаваемый, обессиленный, он еле держался на ногах и не мог сделать сам нескольких шагов — его подвели ко мне. Судья хочет заставить меня утвердительно ответить на его вопрос. Обо всем, что последует, легко догадаться: если Оден мог ходить, то он мог и бегать, а стало быть, и убежать... Это тезис парашютистов.

Я возражаю:

— Вы берете с меня присягу говорить только правду и в то же время желаете услышать лишь частицу этой правды.

Некоторое время он молчит, а потом недовольно и неторопливо вытаскивает какой-то лист из папки.

— Я вам зачитаю, что просит прокуратура.— И он начинает читать сначала очень быстро: — «...просит вас выслушать... некоего Аллега, содержащегося в Алжирской гражданской тюрьме...» — Затем, медленно и отчетливо выговаривая каждое слово, следователь продолжает: — «...уточнить у него, в каком физическом состоянии находился Морис Оден...» — Он пробегает глазами страницу до конца, и я улавливаю в произносимых им почти шепотом словах:— «...и все остальные обстоятельства, которые могли бы помочь выявить истину». Понятно?— заключил он.

— Да, все остальные обстоятельства — это и есть те, на которые я вам укажу.

— Нет! Нет! Это же просто стилистический оборот. Не будем спорить из-за пустяков! Мне требуется от вас одно...

— А я вам тотчас же заявляю, что при этих условиях я отказываюсь отвечать.

Он смягчается и продолжает:

— Хорошо, рассказывайте все, что вам будет угодно, но я запишу лишь то, что меня может интересовать для моих сведений...

— Весьма сожалею, но я должен вас попросить записывать то, что вы услышите от меня, без всякого отбора из моих показаний.

На сей раз он сердится или делает вид:

— Следствие веду я...

Стук в дверь — очень кстати: он вносит разрядку. Секретарь суда — мусульманин — входит и подает письмо. Пока следователь пробегает строки, секретарь делает мне дружеский знак, потом, указывая на Бавуайо, склонившегося над бумагой, с иронической гримасой покачивает головой.

Прочитав письмо и отпустив секретаря, следователь поворачивается ко мне и с примирительным видом заявляет:

— Вы подпишете только в том случае, если будете согласны.

После пререканий он отказывается, например, назвать имена некоторых истязателей и хочет, чтобы я говорил «побег» вместо «убийство», но в конце концов соглашается записать «исчезновение». Бавуайо завершает допрос. Он диктует мои показания секретарю. Я подписываю, и он вступает со мной в беседу:

— Вы тоже как будто бы имели жалобу на парашютистов?

— Да. Дело находится в военном ведомстве.

Он пожимает плечами.

— Пытки? И еще что? Вы, может быть, хотели, чтобы вас усадили в кресло и этак мило сказали вам: «Расскажите нам, пожалуйста, что вы знаете»? И ничего ровным счетом не удалось бы узнать!

Он пытается улыбаться. Под этой гримасой явственно проступает злобный гнев «ультра» против всех, кто «расчувствовался», против всех «сентиментальных интеллигентов Парижа, ничего не смыслящих в алжирской проблеме», и, наконец, против самого Мориса Одена, так неумело убитого.

...Визиту официальных комиссий всегда сопутствуют внешние признаки: производится побелка, но только там, где это бросается в глаза; начищается до блеска медный гонг центрального поста; выметается грязь из закоулков, куда в обычные дни не заглядывает метла. С самого утра извлеченные неизвестно откуда горшки с цветами украшают по этому случаю холл больницы. Здесь наряженные в белоснежные, без единого пятнышка халаты служители очень похожи в своих шапочках на американских моряков. Застиранные и рваные салфетки «парикмахерской» заменены новыми, и персонал тоже преображается. Не позабыли даже и о банщике — ему одалживают пару обуви, чтобы посетители не были шокированы его рваными холщовыми туфлями на веревочной подошве. Закончив этот маскарад, Барберусса становится готовой к приему.

До того, как политические стали составлять большинство, одновременно с этой внешней подготовкой в тюрьме шла и «психологическая». И когда член комиссии просил разрешения побеседовать с каким-нибудь заключенным, администрация тюрьмы приводила старосту камеры, который знал роль наизусть:

— Условия в тюрьме?

— Жаловаться не приходится.

— Питание?

— Хорошее.

— Надзиратели?

— Вежливые.

С тех пор, как уголовники уже не хозяева, неосмотрительно вводить посетителей в общие камеры, где люди решительные могут воспользоваться случаем и раскрыть подлинную жизнь Барберуссы. И хотя такие происшествия никаких последствий вызвать не могут, тем не менее начальник тюрьмы предпочитает не рисковать.

Но сегодня ничто не предвещало прихода комиссии — ни побелка, ни новые халаты. Вот почему мы были так удивлены, когда на окрик надзирателя «Смирно!» к нам вошел пожилой мужчина в очках, лысый, несколько сгорбленный, весь в орденах. Целая свита официальных лиц сопровождала его, некоторые остались в коридоре: камера слишком мала, чтобы вместить всех. Начальник тюрьмы тоже здесь. Он побагровел и так нервничает, словно визит этот наперекор его воле. Рядом с ним — помощник старшего надзирателя; у того удрученный вид. На пороге остается стоять офицер в форме полковника. Он называет своего шефа «господин председатель», и мы догадываемся, что это глава «Комиссии по охране прав и свободы личности», недавно созданной.

Он бегло оглядывает камеру, которая кажется еще меньше от множества присутствующих в ней, и замечает ее жалкий вид: плоские подстилки, местами в грязных и сальных пятнах от пота и пыли; веревки, сплетенные из обрывков тряпья, на которых сушится белье; стены в подтеках; открытый унитаз, рядом с которым едят и спят; слишком узкое слуховое окно, через которое не может просочиться даже немного свежего воздуха; ржавые котелки на полу, обгрызенные деревянные ложки — все это страшное окружение, которое уже перестало нас оскорблять. Но по глазам посетителя, чья ироническая улыбка на миг сменяется выражением ошеломленности, мы с новой силой ощущаем непристойность этих стен, в которые нас загнали.

— Так это вы здесь содержитесь?.. У вас нет стола? Ни кровати? Ни стула?.. — спрашивает он, растерянный.

Услышав его, мы готовы разразиться хохотом. Он сейчас увидит, как закованы приговоренные к смерти, брошенные в подвалы на много месяцев, ему еще расскажут, как мучают, унижают людей в застенках в ожидании смерти!

— Мы много раз протестовали против этих оскорбительных условий и требовали приемлемую пищу, право получать книги и газеты, покупать бумагу, быть в курсе ведения наших дел... Даже тетради и те запрещены... Приходится писать на обрывках старых конвертов...

Начальник тюрьмы, который стоял в дверях, жестикулируя, вмешивается в разговор:

— Приказ военных властей! Сами они во всем виноваты: рисовали в тетрадях ручные пулеметы.

Никто не прислушивается к его словам, и беседа продолжается.

— Мы требуем достойного обращения с нами, согласно международным правилам, как с противниками, ставшими узниками, а не как с преступниками. Впрочем, здесь уголовники содержатся в лучших условиях, чем политические...

Полковник, стоящий на пороге, вдруг врывается в камеру:

— Политические? Какие политические? Здесь нет никаких политических! — И, повернувшись к начальнику тюрьмы, он почти выкрикивает:— Вы знаете каких-нибудь политических? Разве есть у нас политические?

Начальник отрицательно качает головой.

* * *

...Группами из общих камер, по одному из одиночек, наших товарищей первых дней заключения переводят из Барберуссы — кого в Мезон-Каре, кого в Орлеанвиль, Берруагийа или Ламбез. С вещами, увязанными в одеяло, остановился у нашей двери Лакдар.

— До свидания. До скорой встречи!

— До скорой встречи на площади Правительства назавтра после Освобождения!

— Она уже будет называться тогда площадью Независимости!

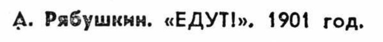
А. Рябушкин. ПОТЕШНЫЕ ПЕТРА I В КРУЖАЛЕ. (Деталь). 1892 год. **Государственная Третьяковская галерея.**

МОСКОВСКАЯ УЛИЦА XVII ВЕКА. 1896 год. **Государственный Русский музей.**

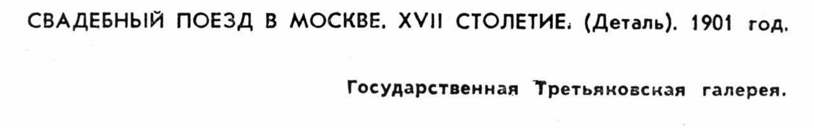

ОЖИДАНИЕ НОВОБРАЧНЫХ ОТ ВЕНЦА В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ. 18

А. Рябушкин. «ЕДУТ!». 1901 год.

Государственный Русский музей.

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД В МОСКВЕ. XVII СТОЛЕТИЕ. (Деталь). 1901 год.

Государственная Третьяковская галерея.

891 год. Государственный Русский музей.

БОЯРЫШНЯ XVII ВЕКА. Государственный Русский музей.

А. Рябушкин. «ВТЕРСЯ ПАРЕНЬ В ХОРОВОД...». 1902 год.

Государственная Третьяковская галерея.

СИДЕНИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С БОЯРАМИ В ЕГО ГОСУДАРЕВОЙ КОМНАТЕ. 1893 год.

А. П. РЯБУШКИН. 1861—1904.
С гравюры В. В. Матэ.

С ЛЮБОВЬЮ СЫНА

Осенним днем сто лет тому назад в Тамбовской глуши — по тем временам от Тамбова до Станичной слободы села Борисоглебского куда как не близко было! — родился у «государственного крестьянина» Петра Рябушкина и его жены Пелагеи сын Андрей...

Вся семья испокон веков жила иконописной работой. Иконописцами были отец и старший брат будущего художника. Дети, присматриваясь к ремеслу, помогали готовить и растирать краски, учились рисунку.

Видимо, иконописцем остался бы и Андрей Петрович Рябушкин, если б не повезло ему необычайно: судьбой даровитого подростка заинтересовался проезжий художник Преображенский, он и устроил четырнадцатилетнего Андрюшу в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Учителями молодежи тогда были там Перов, Прянишников; вместе с Рябушкиным учились Архипов, Нестеров, Сергей Коровин...

Еще в стенах училища сказалось яркое своеобразие живописной манеры А. П. Рябушкина. Творческая традиция его была унаследована им не только от семьи, не только от близких людей. Она шла от самой крестьянской, народной сущности его характера и заявляла о себе, может быть, не очень громко, но очень сердечно и выразительно.

Присмотритесь к работам А. П. Рябушкина, которые мы печатаем в этом номере. На первый взгляд кажется, легко увидеть в этих красках, в этом колорите, в этих истовых и строгих лицах присущее им «иконописное» начало... Но покажется это только на первый взгляд! Внимательному взору обязательно откроется за полотнами, столь похожими на древнерусскую фреску, сама русская жизнь, со всей сменой живых человеческих настроений, с ее горем и радостью, с отношением художника к своим героям... И главное в этом отношении — сыновняя любовь. Она-то и дарует художнику эту распевную, былинную, поэтическую красоту. Она рождает у него мягкий и добрый взгляд на людей родной земли, на жизнь народа.

Запечатлев навеки эту жизнь на своих полотнах, Рябушкин донес красоту до своих потомков — нынешнего благодарного зрителя.

Н. ПАВЛОВА

Хлопоты

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Бабушка стоит у забора на приступке. Зовет:

— Минька!

Минька во дворе у Вати. Они копают с Ватей пещеру.

— Иду! — кричит в ответ Минька.

Он не спрашивает, зачем зовет его бабушка. Он знает.

Ватя работает киркой, рыхлит землю. Минька выбрасывает ее лопатой из ямы.

Яма уже глубокая. Комочки земли иногда скатываются назад, прилипают к потным спинам.

Работают молча. Сопят и отдуваются.

— Минька!

Это опять стоит у забора бабушка.

— Ты бы уж сходил, что ли, — говорит Ватя.

— Ладно. Я быстро.

Минька, осыпая ногами края пещеры, выбирается наверх. Идет к забору, над которым видна голова бабушки.

Минька перелезает через забор к себе во двор.

Бабушка, в переднике, в домашних войлочных туфлях, спешит в сарай. На ходу она говорит:

— Застыло все. И чего это вы с утра копаете?

— Надо,— уклончиво отвечает Минька.

Пещера — это тайна.

Ведь она им необходима для того, чтобы в ней сидеть и чтобы никто не видел, что они там сидят. Может быть, они будут в ней еще курить сухие листья смородины.

Листья — это Ватя придумал. Уже пробовали, курили.

Дрянь порядочная. Летят искры, копоть. Першит в горле. У Вати закоптился нос, а Минька прожег рубашку.

Но все равно листья — тоже тайна. Иначе каждый дурак начнет их курить. Ватя в этом абсолютно уверен. Поэтому курить они будут глубоко под землей, в пещере.

На лето бабушка переносит кухню в сарай: там прохладнее, чем в доме, и быстро выветривается угар.

Кухонную посуду бабушка раскладывает на полочке, где лежат рубанки. Примус ставит на верстак. Ножи и вилки складывает в ящик, где хранятся стамески и отвертки. Ведро для очисток пристраивает на табурете, на котором укреплены тиски.

С бабушкой никто не спорит, все ей уступают. Она в доме главная.

Бабушка приносит Миньке из сарая завтрак. Надо его поскорее съесть, и только тогда можно будет спокойно уйти.

Стол пахнет свежей клеенкой. Окно затянуто густой сеткой от мух. По ту сторону сетки показываются над подоконником кошачьи уши.

Это Мурзук. Он заглядывает в комнату, интересуется, начал Минька завтракать или нет. Если начал, то он придет.

Дверь в дом закрыта, но Мурзук ее откроет. Он подпрыгнет, одной лапой ухватится за ручку, а другой будет ударять по рычажку запора до тех пор, пока дверь не откроется. Тогда Мурзук соскочит с ручки и войдет в дом. Дверь останется открытой, но это его не касается.

Бабушка бежит закрывать дверь, а Мурзук крадется к Миньке вдоль стены.

Потом он будет сидеть за цветочным вазоном, который стоит на полу рядом с обеденным столом.

В вазоне растет высокий кактус — скала. Мурзук начнет за этой скалой тихонько подмурлыкивать, подавать голос.

Бабушка все понимает. Говорит ему:

— Не гуркоти. Накормлю...

Мурзук понимает, что добился своего, и перестает гуркотать.

Блюдце его в углу в коридоре. Бабушка кладет Мурзуку завтрак.

Тогда Мурзук смело выходит из-за скалы — теперь не прогонят — и шагает к блюдцу.

А бабушка уже во дворе. Потому что прибежал пес Эрик и тоже начал подавать голос, гуркотать.

Бабушка кладет и ему в чашку завтрак. Эрик доволен. Затихает. Слышно, как ест.

Бабушка успевает всех покормить, и, пожалуйста, идите потом каждый куда хочет. Кто — копать пещеру, кто — на крышу, кто — в холодок под конуру.

И только неизвестно, где и когда бабушка сама успевает поесть.

С обеденного стола убрана клеенка. На столе стоит стул. На стуле — бабушка. Рядом с ней — ведро с известкой. В руках — щетка из травы.

Бабушка белит потолки.

Уговорить ее, что потолки чистые и белить их не надо,— пустая трата слов.

Бабушка вежливо послушает всех, кто ее уговаривает, даже кивнет головой — да, потолки еще свежие и, конечно, в ее возрасте лишний раз белить их трудновато,— но все равно поступит по-своему.

Разведет известку, распарит щетку, чтобы она сделалась мягкой, снимет со стола клеенку, поставит стул и приступит к работе.

В окна дует ветерок. Потолки подсыхают быстро.

И когда придет с завода Борис, вернется от знакомых дед, где он с утра играл в домино, перелезет через забор из Ватиного двора в свой двор Минька, потолки совсем высохнут.

И никто вообще не заметит, что бабушка в комнатах белила. Привыкли: всегда чисто.

А бабушка и не обижается. Не заметили, и не надо. Она это делает не для показа, а для себя.

Солнечный день. Но бабушка придирчиво оглядывает небо: не запряталась ли где-нибудь хмара? Не случится ли дождь или ветер?

Кажется, нигде хмары нет.

Тогда бабушка расстилает на земле простыню.

Придавливает ее камушком, чтобы не заворачивалась.

Выносит подушки без наволочек. Подпарывает наперники и высыпает пух на простыню.

За зиму, по мнению бабушки, он в подушках слежался, отсырел. Пух возвышается на простыне горкой. Бабушка садится на маленькую скамеечку, начинает его перебирать.

Пух греется на солнце, свежеет. Бабушка занимается им, а сама все поглядывает на небо.

Подкрадываются к бабушке птицы, воруют пух. Особенно нахальных бабушка гоняет: машет на них концом передника.

— Я вам, жулики-бастрюки!

А жулики-бастрюки знай свое — тянут пух.

К вечеру бабушка вновь зашьет его в наперники, наденет наволочки. Подушки готовы.

Внесет их в дом. Но прежде чем разложить по кроватям, каждую крепко подобьет с углов, чтобы пух вспенился и подушка застыла в тугом изгибе. Горячая, с запахом солнца.

Минька любил встречать бабушку с базара.

Уходила она на базар очень рано. Минька еще спал. Собирала сумку — клала в нее кошелек с мелкими деньгами, носовой платок, пустую бутылку под растительное масло, банку под сметану. Надевала черный жакет, потому что утром еще прохладно. Голову туго повязывала косынкой.

Минька просыпался и, узнав, что бабушка ушла на базар, вскакивал, быстро умывался и спешил за калитку.

Как только бабушка покажется в конце улицы, он побежит навстречу. А она поставит сумку на землю и будет его поджидать.

В сумке обязательно имеется что-нибудь вкусное для Миньки. Он никогда ее об этом не просит, она сама покупает.

Солнце уже пригрело. Бабушка сняла жакет. Обмахивает лицо платком.

Миньку одолевает любопытство, что бабушка купила на этот раз: пастилу, жареные орехи в сахаре, маковки?

Минька подхватывает сумку и торопится домой.

Сумка брезентовая, самодельная, с клапаном, вроде как у пиджака на кармане. Ее сшил дед, когда работал кассиром и ходил в банк получать деньги.

Бабушка вслед кричит:

— Минька, сметану не расплескай!

После базара бабушка долго разговаривает с соседями: обсуждается нынешний привоз продуктов, их качество, расценки.

Вдруг раздается шипение или бульканье: у кого-то в кухне что-то пригорело или закипело.

Это сигнал, все расходятся.

Минька, дед и Борис всегда стучали не в калитку, а в окно.

Бабушка услышит, где бы она ни была: в коридоре, во дворе или даже в сарае.

Побежит к калитке. Тогда начнет лаять Эрик. А может быть, и не начнет, поднимет только голову. Он уже выучил: если стука в калитку не было, а бабушка бежит отпирать,— значит, свои.

Часто бабушка бежала с тем, что было у нее в руках,— уполовником, тарелкой с жидкой горчицей, которую она растирала, шпулькой с ниткой.

Возвращался поздно Борис. Откуда-нибудь с вечерницы.

Бабушка всегда первая услышит его стук. Накинет платье, подойдет к окну. Негромко скажет: «Сейчас...» — и заспешит во двор к калитке.

Минька не понимал, почему бабушка первая просыпается.

И только, когда вырос и сам иногда стал поздно приходить, он понял: бабушка не просыпается первой, а не спит совсем. Она ждет этого стука в окно. Она волнуется, если кто-нибудь запаздывает.

Лежит одна в темноте. И никому не ведомо о ее беспокойствах, никто об этом ее не спросит. А она никогда не скажет, не попрекнет.

Стукнешь ночью в темное окно и услышишь в ответ только негромкое: «Сейчас...» И больше ничего.

Между бабушкой и Мурзуком были странные отношения.

То все тихо, мирно.

Бабушка сидит, выдергивает канву из вышивки. Нитки, не глядя, бросает на пол. Но они падают на Мурзука, потому что он пристроился рядом с бабушкой.

Мурзук не возражает. Ему нравится: нитками можно забавляться.

То вдруг шум и крик.

Чаще всего это случается, когда бабушка бежит, торопится. Она наступает на Мурзука и почему-то всегда поперек.

— Тебе что, места мало? — кричит бабушка. — Взял моду — у порога лежать!

Мурзук кричит на бабушку, возмущается.

Но бабушка бежит уже дальше. Ей некогда. Тогда Мурзук гонится за ней. Он скачет на трех лапах, а четвертой, свободной лапой бьет бабушку по ее домашним войлочным туфлям.

Через минуту опять мир и тишина.

Бабушка крутит в сарае мясорубку, будет готовить котлеты. Мурзук сидит под мясорубкой. С винта капают ему прямо на затылок капли воды. Мурзук доволен: капли пахнут мясом.

То вдруг опять шум и крик.

Что такое?

Оказывается, бабушка начала молоть головку лука. Мурзук в истерике выскакивает во двор. Пытается достать лапой до затылка, чтобы уничтожить эти паршивые луковые капли.

Но через минуту опять мир и тишина. Полное согласие.

Мурзук лежит у самого порога. Бабушка бегает поблизости. Вот-вот наступит на Мурзука поперек.

Цыплячьи Горки. Бабушка ходит сюда, навещает знакомых.

Разговаривают они о письмах, которые получают от детей. Разбирают их поступки, хотя дети давно живут самостоятельно и у них у самих есть уже маленькие дети.

Иногда письма целиком читают вслух, а отдельные значительные места перечитывают по два-три раза.

Бабушка слушает знакомых, кивает головой. Она тоже принесла письмо, которое получила от Бориса со строительства. Ей хочется его обсудить.

В таких случаях с бабушкой отправляется на Цыплячьи Горки Минька. Бабушка просит его пойти. Она хочет, чтобы он читал письмо Бориса. Минька читает быстро и громко — приятно слушать.

Они идут полями, где ветер раскачивает, словно выплескивает из берегов, синюю лаванду. Ее посевы растеклись по склонам и ложбинам Цыплячьих Горок.

Бабушка срывает цветок лаванды. Смотрит, нет ли на нем вредителей, разминает в пальцах, проверяет, не сухой ли он.

Бабушка родилась в селе на Украине. Знает и любит все сельское.

Девочкой жала и молотила. Работала на сахарной свекле. Трепала лен и коноплю. Волочила гречку. Убирала кукурузу.

Поэтому, когда срывала где-нибудь в полях колос или стручок, лист кукурузы или цветочный бутон, подзывала Миньку, показывала ему, учила понимать, хорошо живется этой рослине или плохо, здоровая она или больная.

И Минька брал из рук бабушки рослину, учился понимать ее.

Часто бабушка рассказывала Миньке о гражданской войне.

...Белые отступали к морю через Симферополь. Шли, горланили песни:

Нет у нас теплого платочка. Точка.
Нет у нас теплого платка.

На улицы выкатывались лакированные коляски, запряженные рысаками. В колясках барыни в длинных кружевных платьях и в тюлевых перчатках. Встречали господ офицеров, стояли и махали им нераскрытыми веерами.

На что еще белые надеялись, неизвестно. Не было у них ничего, не только теплого платочка.

А потом по городу текло вино: оно лилось из винных подвалов, где разбивали стоведровые бочки.

Офицеры и солдаты котелками и кружками черпали вино с мостовой и пили. Это, пожалуй, единственное, что у них еще было. Начинались погромы, стрельба, драки. Срывали злость и отчаяние друг на друге.

Перепуганные барыни в длинных кружевных платьях куда-то исчезли.

По городу бродили одичавшие, пьяные собаки, пьяные лошади. Пьяными были даже птицы.

Про солдат бабушка говорила:

— Не могли они понять, где правда, а где ложь. Офицеры бежали из России, и они за ними. И противно и жаль их было.

Минька возражал:

— Нельзя жалеть. Они были врагами.

— Да, конечно, — соглашалась бабушка. — Изменили народу. Но среди них много служило совсем мальчишек. Гимназистов.

— Все равно враги, — утверждал Минька.— Если против нас.

— Их бы тогда выпороть, да некому. Мальчишек-то.

— Ну вот еще — пороть... Скажешь, бабушка. Они тоже за царя были.

— Так-то оно так. Но спрос с них был еще неполный. Ну, что с тебя спросишь или с твоего Вати? А они немного постарше были.

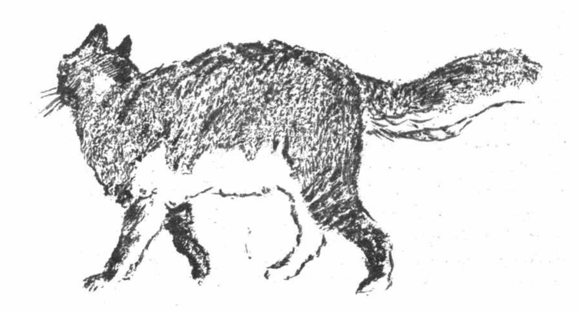
— Как что спросишь? — оскорблялся Минька. — Мы за Советскую власть! Я и Ватя... Мы...

— Пещеры еще копаете...

Минька, красный и обиженный, стоял перед бабушкой, тяжело дышал. Не знал, что возразить на «пещеру».

Бабушка улыбалась, говорила:

— Подними, Минька, кепочку и выпусти пар.

Минька не видел, чтобы бабушка молилась. Икон и крестов в доме не было.

Если дед заводил свои шуточки над богом, бабушка молчала или покачивала головой, когда дед, по ее мнению, уж слишком расходился.

То, что религия — заблуждение, бабушка понимала. Но она была мягкой к людям, терпимой к их заблуждениям. Не переносила только кликуш и фанатиков.

Дед упрекал бабушку. Попы и монахи выводили его из себя. Он не переносил даже запаха церкви.

Мог до того раскричаться на бога, что бабушка начинала утешать:

— Успокойся. Бог с ним, с богом. Не стоит из-за него надрываться.

Но дед не хотел успокаиваться и кричал тогда на бабушку:

— Примиренец! Соглашатель! Попутчик революции!

Штопала бабушка на электрической лампочке.

Деревянный грибок она всегда теряла. Часто им играл Мурзук, закатывал куда-нибудь под кровать или под комод.

Однажды его унес Эрик и пытался сгрызть у себя в конуре.

После этого дед грибок отполировал и снова вручил бабушке. Но бабушка снова его потеряла. И тогда начала вывертывать из абажура лампочку и штопать на ней.

Если вечером в комнате не загорался свет, все знали, что бабушка сегодня штопала и забыла вкрутить лампочку на место.

Бабушка любила гостей. Любила, чтобы в доме было шумно и весело.

Стол накрывала парадной вышитой скатертью. Доставала парадные вилки и ножи с коричневыми черенками из ясеня на желтых заклепочках, тарелки в мелкую брусничную искорку и рюмки на тонких ногах.

Дед от этих рюмок раздражался: вот-вот в руках переломятся. Но бабушке они нравились, потому что приятно звенели.

В те дни, когда бабушка ждала гостей, Эрик и Мурзук ходили по двору, покачиваясь от сытости.

Минька выглядывал из калитки и докладывал бабушке, кто появился в конце улицы или сошел с трамвая.

Гости приходили нарядные и торжественные. Бабушка тоже была нарядной и торжественной — в черных туфлях с пуговичками, в черном платье, гладко причесанная.

Она бегала из сарая в дом, носила угощения. Через плечо у нее было переброшено посудное полотенце, которым брала горячие кастрюли и сковородки.

Наконец бабушка говорила:

— Дорогие гости, прошу к столу.

Гости рассаживались. Чаще всего это были друзья Бориса с завода.

Мужчины незаметно расстегивали под галстуками тугие воротнички. Женщины беспокоились, чтобы не помять платья.

Кто близко садился около кактуса-скалы, бабушка предупреждала: случайно не наколитесь. Гость кивал: хорошо, спасибо, он будет помнить про скалу. Но потом обязательно наколется, когда начнет размахивать руками, что-нибудь рассказывать.

Звенели рюмки на тонких ногах. Все хвалили бабушкину кулинарию. А бабушка сидела смущенная и довольная.

Репродуктор был очень старый — тарелка из черной бумаги. Висел на гвоздике.

Минька репродуктор слушал редко: некогда было. А бабушке он часто доставлял удовольствие.

Как только объявляли, что будет выступать украинский хор или ансамбль, бабушка прекращала готовить обед, белить потолки, стирать белье, снимала репродуктор с гвоздика и ставила его перед собой на стол.

Репродуктор пел или играл на бандуре только для нее одной.

Бабушка вспоминала Украину, село Шишаки, где прошла ее молодость.

Вспоминала хату, покрытую камышом-очеретом, убранную внутри травой для запаха. Печь с дымарем и полочкой — закопелкой, на которой была сложена посуда — крынки и горшки. Широкие юбки — спидницы. Протяжный скрип ветряных мельниц. Следы босых ног в пыли вдоль шляхов. Прозрачные ставки, а над ними гусиный крик и хлопанье крыльев. Пшеничный свет звезд. Медную подкову луны, точно выбитую молотом.

Обо всем этом пел бабушке старый бумажный репродуктор, играл на бандуре, рассказывал.

А потом в сорок первом году этот же самый старый бумажный репродуктор принес сообщение о войне.

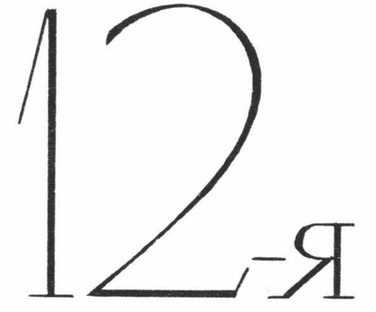
Минька слушал и не понимал еще по-настоящему, что такое война. А бабушка понимала. Она уже видела одну войну с немцами. Тогда ушел воевать дед. Теперь уйдут ее дети и внуки. Уйдет Борис, уйдет Минька. И не скоро они стукнут ей в темное окно.

Сидела тихая, в переднике, в домашних войлочных туфлях. Положила на колени усталые руки.

И. ВЕРШИНИНА

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

12-я симфония

Торжественная пауза, наступившая в белоколонном зале Ленинградской филармонии, нарушается только чуть слышным шелестом программок. Мравинский занимает свое место. Едва приметный взмах палочкой...

Ленинград замер. Ленинград слушает новое произведение Дмитрия Шостаковича — 12-ю симфонию. Симфония посвящена памяти В. И. Ленина.

Она звучит в концертном зале, по радио, по телевидению...

Начало — «Революционный Петроград», 2-я часть — «Разлив», «Аврора»... Помните? Помните? Помните? Лица слушателей напряжены. Кировцы, путиловцы, рабочие Выборгской и Петроградской стороны, академики, писатели, артисты слушают, думают, вспоминают...

Счастливцев, побывавших на премьере, расспрашивают потом о симфонии, какая она, о чем конкретно... Но можно ли пересказать музыку, ее содержание? Да и следует ли это делать? Ведь симфония не учебник истории. Не важнее ли те мысли, образы, чувства, ассоциации, которые она вызывает? И, рассказывая о симфонии, каждый слушавший ее говорил о своем. Один вспоминал недавнюю поездку с семьей в Музей — шалаш Ленина в Разливе, другой, касаясь последней части симфонии — «Заря человечества», незаметно для себя переходил на жизнь своего завода в эти кипучие дни. Вспоминая безоблачную, светлую, мажорную детскую тему, люди больше говорили о том, как дети наши будут жить при коммунизме...

В авторских комментариях к Седьмой симфонии, созданной композитором в 1941 году в блокированном Ленинграде, Шостакович писал: «...нашей грядущей победе, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию». Это посвящение можно предпослать многим его произведениям. Художник-коммунист, он всегда верит, думает и рассказывает о наших победах, патриот своего города, он всегда помнит о нем.

Не удивительно, что первое исполнение почти всех произведений Шостаковича проходит в Ленинграде. Исполнитель — Симфонический оркестр Ленинградской филармонии; дирижер — лауреат Ленинской премии Е. А. Мравинский.

...Много дней в жизни Дмитрия Дмитриевича Шостаковича начиналось так. Утром под бой курантов привычно пересекает он улицу Бродского, направляясь на репетицию.

На сцене еще пустуют места оркестрантов, да и на пюпитрах разложены совсем другие ноты — симфония Шостаковича исполняется во втором отделении,— композитор торопливо проходит в зал.

Непривычно выглядит в эти ранние часы величественный белый зал Филармонии. Тускло освещенные ряды пустых кресел напоминают ряд молоточков в пианино.

С волнением, нетерпением, мучительной тревогой входит каждый раз в этот зал композитор: здесь предстоит ему услышать наконец то, что вынашивал он в сердце в течение, может быть, многих лет, что писал одержимо долгими, а для него скоротечными днями и ночами...

Сейчас его нотные значки обретут душу, обретут форму, обретут голос. И этот дорогой голос первый раз прозвучит в этих дорогих ему стенах. Дорогих? А как может быть иначе?

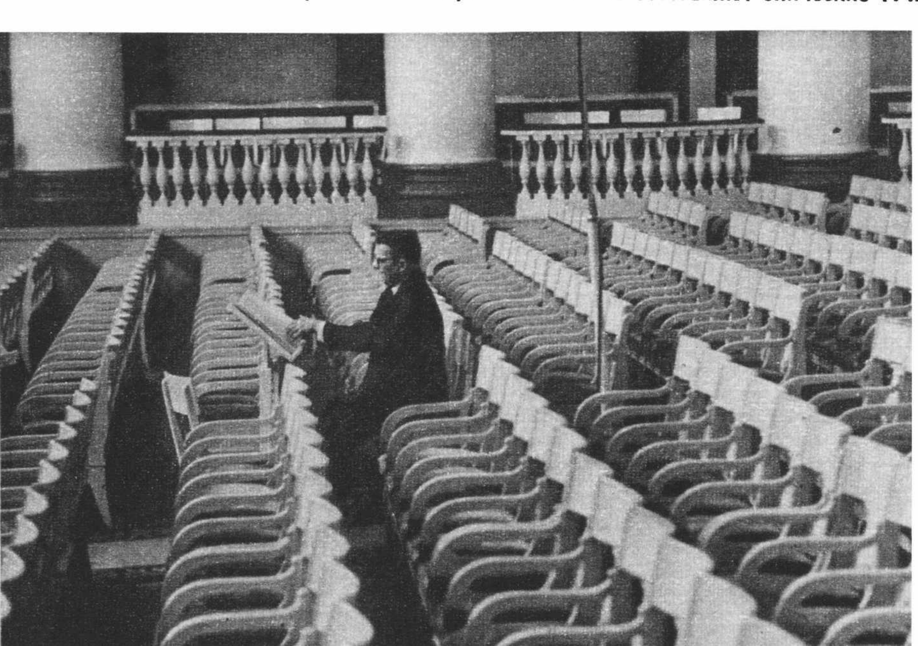
Тридцать пять лет назад исполнялась здесь 1-я симфония Шостаковича — дипломная работа 20-летнего студента, и с тех пор триумфально шествует его музыка по свету. Дорогих. Да, в этих стенах собирались бойцы голодного блокированного Ленинграда слушать Ленинградскую симфонию. А разве не эти стены защищал боец добровольной пожарной команды Шостакович во время воздушных налетов.

С тех пор, хоть и живет давно уже в Москве прославленный композитор, там семья — дети, внуки, ученики, но первое исполнение его нового произведения всегда принадлежит Ленинграду, принадлежит Мравинскому...

— Впервые Мравинский дирижировал моей 5-й симфонией, — рассказывает Шостакович. — Это было в 1937 году. Мравинский тогда блестяще начинал свою дирижерскую деятельность. Работая над симфонией, он учинял мне подробнейший допрос, выясняя, что я хотел воплотить в ней и отразить. Но вскоре он убедился в бесполезности этих разговоров. С тех пор от произведения к произведению мы разговариваем о них все меньше и меньше. Но все свои новые сочинения я несу ему. Вижу его недовольство собой после самых блестящих концертов. А ведь это главное для художника — всегда быть недовольным собой.

— Когда я получаю от Шостаковича его новое произведение, оно для меня как письмо, адресованное мне очень близким человеком: в нем все понятно, и слова, и думы, — говорит нам Евгений Александрович Мравинский. — Музыка призвана выражать мысли, раздумья, мечты человека, поэтому переводить ее — излагать словами — противоестественно. И понятно, что Шостакович мучительно не любит рассказывать о своих сочинениях. Он ведь лирик, его произведения всегда автобиографичны. Некоторое исключение составляют эпические 11-я

и 12-я симфонии, посвященные: одна — революции 1905 года, другая — 1917-го. Но и здесь композитор не пересказывает события, а делится своими раздумьями о них... А мысли у него! Шостакович — человек гигантских мыслей и чувств и при этом неописуемой хрупкости и нежности характера.

Слушая Мравинского, я вспоминала слова, сказанные о Шостаковиче другим большим художником. В воспоминаниях Константина Федина о Горьком есть описание вечеров в доме хирурга Грекова. «Чудесно было... когда худенький мальчик... в очках, старомодно оправленных блестящей ниточкой металла, абсолютно бессловесный, сердитым букой переходил большую комнату и, приподнявшись на цыпочки, садился за огромный рояль. Чудесно, ибо по какому-то непонятному закону противоречия худенький мальчик за роялем перерождался в очень дерзкого музыканта, с мужским ударом пальцев, с захватывающим движением ритма. Он играл свои сочинения... неожиданные и заставляющие переживать звук так, как будто это был театр, где все очевидно до смеха и слез... И те, кто обладал способностью предчувствовать, уже могли в сплетении его причудливых поисков увидеть будущего Дмитрия Шостаковича».

Как похожи обе эти характеристики, как сплетаются они в главном, дополняя друг друга в деталях!

Что же роднит Шостаковича с Мравинским? В чем залог их большой, не сентиментальной, мужской, творческой дружбы и бессловесного бесконечного взаимопонимания?

Современники, соотечественники, земляки, сверстники, свидетели одних и тех же событий — так скромно объясняет это Мравинский.

Но проходит репетиция, и становится ясно: общность их творчества в беспредельном эмоциональном накале и при этом в непрерывном контроле огромного разума...

Итак, завтра премьера? Как примут ее слушатели?

— Да полноте, интересует ли это композитора?

Проникновение в большие философские вопросы, пренебрежение временными, преходящими, игнорирование суетных дел создают у некоторых впечатление о Шостаковиче, как о человеке, отрешенном от всего земного...

Интересует ли его что-нибудь, кроме музыки? Лучше всего отвечает на это музыка лауреата Ленинской премии Шостаковича, наполненная вниманием к человеку, его жизни, его заботам, воспоминаниям, мечтам. На вопрос этот отвечают и избиратели, много лет выбирая Шостаковича своим депутатом в Верховный Совет республики. С гордостью говорят они о том, как внимательно, просто и чутко принимает он их в исполкоме, как хлопочет за них, какие письма сердечные пишет. О «земном» Шостаковиче рассказывают, наконец, друзья, дети... Он выписывает чуть ли не все выходящие у нас газеты и все обязательно ежедневно по утрам читает, читает все новые книги, болеет на соревнованиях, причем всегда очень страстно, эмоционально. Он ревностно следит за порядком в доме; чинит велосипед, осматривает машину, проверяет и подводит многочисленные часы, играет с внуками и заботится о хозяйстве...

И все успевает?

Успевает!

...И наконец премьера. После краткого вступления виолончели и контрабасы повели свой рассказ...

— Для меня эта симфония — очень серьезное творческое испытание, ведь она навеяна событиями 17-го года, связана с образом Ленина. Я был свидетелем этих событий, но был мал. Как всегда скупо, говорит о себе Шостакович.

Но именно в эти годы и начал творить композитор. В 1917 году, одиннадцати лет, он написал свои первые сочинения: поэму «Солдаты» и «Революционную поэму». Это было в Петрограде, в том самом революционном Петрограде, о котором рассказывает сейчас первая часть 12-й симфонии...

Напряженно слушает зал. Мравинский безраздельно владеет им. Забыт композитор, никто сейчас не думает о нем, но подвластные его воле люди, такие разные до прихода сюда, каждый со своими заботами, своей жизнью, сейчас слились воедино. Их мысли, их думы текут по руслу, которое он провел. И это — главное.

Отгремели овации. Позади поздравления, цветы, благодарности... Премьера позади... Домой...

В вагоне «Красной стрелы» Дмитрий Дмитриевич чувствует себя почти как дома.

Если сосчитать, сколько времени он провел здесь, наверное, хватило бы его на написание если не симфонии, то уж квартета безусловно. Впрочем, как знать, может быть, некоторые чарующие нас созвучия рождались именно здесь?

Багаж композитора невелик. Небольшой чемодан, магнитофон, а вот и знакомая папка, та, с которой шел он на репетицию. Но что сейчас лежит в ней? Партитура 12-й симфонии? Нет, 9-й квартет. В эти беспокойные дни, когда шли репетиции 12-й симфонии, Шостакович писал уже новое произведение. Такова жизненная потребность этого человека, человека гигантских мыслей и чувств.

Семен ШУРТАКОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ БИОГРАФИИ

1

Из-за моря встало солнце. Осветив прибрежную полосу, оно остановилось ненадолго, поиграло с рыбацкими сетями, полюбовалось живым серебром только что пойманной рыбы и пошло дальше. Лучи его легли на копры угольных шахт, на нефтяные вышки. Солнечный свет разбудил тайгу.

Посветлела дремучая вечная зелень огромных елей, пихт и кедров, жарко вспыхнули уже обожженные осенью березы, зарделись темно-бордовые листья винограднинка, в непроходимой таежной чаще заполыхали костры рябин, гроздья китайского лимонника. Быстро пробежала по шершавому стволу поваленного ветром могучего тиса рыжая лисица и исчезла в глубине распадка; напился из хрустального ручья красавец олень; соболь промелькнул меж стволов пихтача. А вот и сам хозяин тайги Михайло Иванович протопал на отдых в укромное место. Проснувшиеся белки вылезли из своих дупел и рыжими молниями летают с ветки на ветку. Зацвенькали обрадованные солнцем синицы, заклохтали дрозды, и где-то уже раздался дробный стук по сухому стволу: начал свой рабочий день дятел.

А вот солнце остро сверкнуло по тонкому лезвию пилы лесоруба, лес огласился пронзительным жужжанием, и с шумом, с треском хряснула на землю вековая сосна.

Рабочий день начался и у людей. Начался он и на полях, в селах, начался и на заводах, в городах.

— Чуть не на целый день вперед живем,— шутят мои сахалинские знакомые Борис и Нина Ованесовы.— И бывает, соберешься в Москву по телефону позвонить — не сразу сообразишь, день там в это время или ночь...

Нина с Борисом живут на Сахалине, а познакомился я с ними еще в Москве, еще до того, как увидел их.

2

Случай привел меня в дом Грачевых на Зубовском бульваре незадолго до этой поездки.

Николай Иванович Грачев немногословен, больше любит слушать, чем рассказывать. Крупное лицо, большой лоб, внимательные глаза.

Жена его, Софья Ивановна, напротив, словоохотлива. И очень подвижна. Ей не сидится на месте: продолжая о чем-то рассказывать, она успевает в то же самое время и чай заварить и варенье из буфета достать. У Софьи Ивановны такое же, как и у мужа, открытое, с крупными чертами лицо, крепкие, сильные руки.

Стало уже штампом писать, что тот или иной герой очерка рассказывает о себе неохотно. Но что поделаешь, если хорошие, настоящие люди и в самом деле о себе из скромности не очень-то любят распространяться?!

Молодость их пришлась на суровое, трудное и необыкновенное время, время, когда молодая республика Советов закладывала первые кирпичи нового общества.

Николай Иванович работал медником на заводе «Компрессор», Софья Ивановна — вагоновожатой. Как ударника, по путевке Совпрофа, Николая Ивановича направили учиться в институт. Софья Ивановна по вечерам работала, а днем тоже стала учиться. Так они получили высшее образование. Трудно было? Еще бы не трудно. Но когда впереди большая цель, легко преодолимыми становятся даже самые большие трудности.

От первых пятилеток, закладывавших фундамент социализма, до семилетки, закладывающей фундамент коммунистического общества,— таков трудовой путь Грачевых. В прошлом году Софья Ивановна вышла на пенсию, а Николай Иванович и по сей день работает в отделе автоматики в конструкторском бюро.

Грачевы вырастили троих детей. Старший, Владимир, — экскаваторщик, средний, Юрий, за хорошую работу недавно награжден орденом. Дочь Нина по окончании института некоторое время работала в Москве, а потом вместе с мужем уехала — сначала в якутскую тайгу строить город алмазов — Мирный, а теперь — на Сахалин.

О детях Грачевы говорят куда охотнее, чем о себе. И когда речь заходит о Нине, Софья Ивановна достает пачку фотографий и дает мне.

Снежная безлюдная равнина с редкими деревьями. Среди снегов поставлены две палатки. Группа мужчин в валенках, в шапках и полушубках стоит около третьей, еще не развернутой, нераспакованной.

— Это Борис, муж Нины, а это его товарищи,— поясняет Софья Ивановна.

Вот несколько видов девственной тайги: здесь тайга— сплошной стеной, а здесь ее раздвинула река, и деревья смотрятся в воду.

Вот уже не отдельные палатки, а целый палаточный поселок. А вот и деревянные настоящие дома: одноэтажные, двухэтажные.

— Это Нина с Борисом под окнами своей квартиры,— опять поясняет Софья Ивановна.— А тут они учат ходить своего сынишку Андрея.

Сын запечатлен на нескольких снимках. На одном мать поставила его на березовый пенек и держит за руку.

Опять тайга. Машины, выстроенные в ряд. Бульдозеры, сдвигающие землю. Дорога, прорубленная в лесу. Взрыв; клубится земля. А вот и какие-то сооружения выросли среди тайги: здесь, похоже, плотину через реку строят, здесь — обогатительную фабрику, здесь установили насосную станцию...

Точка на карте стала городом. Фотографии пересмотрены, и, как бы заключая разговор про Нину и Бориса, Софья Ивановна говорит, что сейчас они строят город Южно-Сахалинск.

Через какую-нибудь неделю-две я собирался побывать на Сахалине.

— Как хорошо-то! — воскликнула Софья Ивановна.— Зайдите, пожалуйста, к нашим, они будут рады.

Николай Иванович спросил, не приходилось ли бывать мне на острове раньше. Я сказал, что приходилось.

— Так расскажите, кэк там и что,—в один голос попросили Грачевы.— Какая природа, климат...

Я рассказал, что знал о лесных и водных богатствах острова, о том, какой мягкий климат в южной его части, о городе Южно-Сахалинске.

— Не махнуть ли туда и Владимиру с Юрием? — Грачевы переглянулись.— Пока молодые...

Так я познакомился с семьей Грачевых.

3

И вот я в Южно-Сахалинске.

Город раскинулся посреди широкой долины, окаймленной с двух сторон цепочками невысоких гор. Восточной своей частью Южно-Сахалинск примыкает прямо к горным склонам, щедро расцвеченным осенью. В обход городского парка, который лежит у подножия гор, шагают вверх массивы новых домов. Где-то в одном из этих домов, рядом с парком, живут и Нина с Борисом. В адресе значится: Парковая улица. Этот район южносахалинцы зовут своими Черемушками.

Я иду городом. Даже за один только год, что я не был в Южно-Сахалинске, и то сколько в нем понастроено!

Парковая улица. Поднимаюсь не то на третий, не то на четвертый этаж нового дома, стучу.

Дверь открывает невысокая худенькая женщина. Она некоторое время удивленно смотрит на меня, а потом, как бы спохватившись, радушно приглашает в комнаты.

Нина не похожа ни на отца, ни на мать. Маленькое, глазастое лицо, копна светлых волос на маленькой голове— нет, решительно ничего нет в ней ни от матери, ни от отца. Разве что вот такая же непоседливая, как Софья Ивановна, такая же радушная, гостеприимная.

Борис Ованесов, ее муж, встает из-за стола и, улыбаясь, протягивает здоровенную ручищу. Он и ростом вышел, и силенкой его, что называется, бог не обидел: руку жмет так, что у меня похрустывают суставы пальцев.

Не проходит и пяти минут, а мы уже разговариваем, как люди давным-давно знакомые.

Из рассказов Бориса и Нины мало-помалу складывается как бы продолжение их биографии, которую начали мне рассказывать Грачевы еще в Москве.

Борис и Нина вспоминают свою жизнь в Москве, по возвращении из Мирного. Соскучились по Москве, очень соскучились. Легко сказать: прожить три года в суровой якутской тайге, где зима вдвое дольше лета! Устроились на работу. Хорошая работа, спокойная, чистая. Семичасовой рабочий день (в Мирном нередко приходилось работать по семнадцать). Выходные («А много ли у нас было выходных за три года? Можно сосчитать, пожалуй...»); и отпуск строго по графику (в Мирном работали без отпусков!) — словом, все, о чем только там, в тайге, можно было мечтать. Но почему же, почему же так долго тянется этот короткий семичасовой рабочий день? В Мирном семнадцать скорее пролетали. Месяц так прожили. Прожили год. Хватит! Хватит вычерчивать на бумаге то, что должно быть где-то и кем-то построено. Интереснее строить это самому!

Так они очутились на Сахалине. Сейчас Борис работает начальником производственно-технического отдела в одном из крупных строительных управлений, Нина — в проектном институте по своей прямой специальности инженера-гидротехника. У того и другого живое, интересное дело. Получили квартиру — чего еще надо!

На другой день мы с Борисом поехали по объектам, которые строит их управление. Одни объекты уже сдавались в эксплуатацию, другие находились в стадии завершения, работа на третьих была в самом разгаре.

Вот мебельная фабрика, уже совсем готовая. По соседству с парком прячется за деревьями законченное здание детского дома.

Недалеко от мебельной фабрики строится авторемонтный завод и огромный ДСК—домостроительный комбинат мощностью в тридцать пять тысяч квадратных метров жилья в год.

На обратной дороге я спросил Бориса: чем больше всего ему нравится профессия строителя?

— Не знаю,— подумав немного, сказал он.

Мне потом еще не раз приходилось видеться с Борисом и Ниной. И вот что невольно обращало на себя внимание: о чем бы ни заходил у нас разговор, обязательно кто-то из них вспомнит Мирный, свою жизнь там. И ведь трудно было: и холодно и голодно, а вот, поди ж ты, вспоминается. И вспоминают тепло, с доброй улыбкой, с каким-то, я бы сказал, удовлетворением. И удовлетворение это легко понять. Они строили город алмазов — Мирный...

На Сахалине Нина с Борисом еще недавно, каких-нибудь полгода, и для воспоминаний пока не настало время. Но пройдет год, пройдут три года, и появятся фотографии, на которых будут запечатлены построенные ими фабрики и детские сады, на которых вместе с Андрюшкой «впишется» в сахалинский пейзаж и дочка Женя — ей сейчас второй годик. Придет время, и Борис с Ниной смогут так же, как о Мирном, сказать: мы строили город на далеком острове Сахалине!

Дизель-поезд на одном из участков железной дороги Южно-Сахалинск — Холмск.

→

В сахалинской тайге. Комсомолец-лесоруб Геннадий Самойлов приехал сюда, в эти богатейшие края, после службы в Советской Армии. За два года он в совершенстве овладел профессией вальщика.

Холмский порт — западные морские ворота Сахалина. Работы в порту не прекращаются и ночью.

Прибой у берегов Сахалина.

Фото О. ИВАНОВА (АПН).

Лежбище котиков на острове Тюленьем.

С. МАРШАК

Новые переводы

Из Джанни Родари

ЧЕМ ПИСАТЬ?

Здесь, на странице чистой и новой,
Вышло бы очень красивое слово,
Если б у вас вместо перьев и ручек
Был очень тоненький солнечный лучик.

Струйкою ветра
Вместо пера
Пишется слово из серебра.

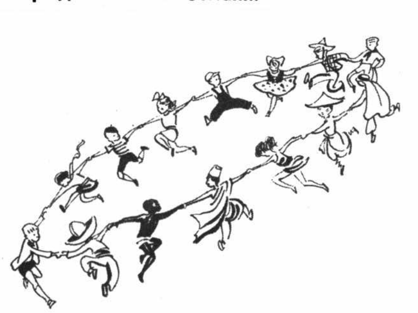
Но и в чернильнице вашей
На дне
Есть драгоценный
Секрет в глубине.
Если отыщете, перья простые
Будут писать вам слова золотые.

ВСЕМИРНЫЙ ХОРОВОД

Стих для ребят
Всех народов и стран:
Для абиссинцев
И англичан;
Для итальянских детей
И для русских,
Шведских,
Турецких,
Немецких,
Французских,
Негров, чья родина —
Африки берег;
Для краснокожих
Обеих Америк;
Для желтокожих,
Которым вставать
Надо,
Когда мы ложимся в кровать;
Для эскимосов,
Что в стужу и снег
Лезут
В мешок меховой
На ночлег;
Для детворы
Из тропических стран,
Где на деревьях
Не счесть обезьян;
Для ребятишек
Одетых и голых,
Тех, что живут
В городах или в селах...
Весь этот шумный,
Задорный народ
Пусть соберется
В один хоровод.

Север планеты
Пусть встретится с Югом,
Запад —
С Востоком,
А дети —
Друг с другом!

КАКИЕ ЗАДАЧИ РЕШАЮТ ВЗРОСЛЫЕ?

Ходят и ваши родители в класс.
Школа у них потрудней, чем у вас.

Нет в этой школе халатов и парт,
Классной доски и развешанных карт.

Трудятся взрослые, чуть ли не плача.
Взрослым дается такая задача:

Вычесть из каждой получки убогой
Стол, и квартиру, и моря немного.

Дальше из той же убогой зарплаты
Вычесть подметки, набойки, заплаты.

А на придачу
Дают педагоги
Взрослым задачу:
— Добавьте налоги!

ВЕЧНОЕ ПЛАТЬЕ

Могу вам показать я
Модель такого платья,
Что даже без примерки
Придется всем по мерке.
Его ты можешь сразу
Заставить по приказу
Быть шире или у́же,
Просторней или туже.

Захочешь — будет с каждым днем
Расти, а может сжаться.
И будут пуговки на нем
Хоть целый век держаться!

Не сядет на него пятно.
В нем не отыщешь дырки,
И не потребует оно
Утюжки или стирки.

Забот не будет никаких!
Но только это платье
Заставить может всех портных
Переменить занятье,

Иль весь народ, что платье шьет,
Министрам жалобу пошлет,
Потребовав изъятья
Нервущегося платья.

Его придумал я для всех
Краев и всех народов,
Чтобы спасти их от прорех,
От пятен и расходов.

ЧТО ЧИТАЮТ КОШКИ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ?

У кошек есть воскресная
Газета интересная,
Где в трех столбцах — не менее —
Даются объявления:

«Ищу уютный, теплый дом
Со старым креслом, очагом,
Без сквозняков и без ребят,
Что за хвосты нас теребят».

«Нужна синьора средних лет
Для чтенья книжек и газет.
Условье: знанье языков
В соседних лавках мясников».

«Могу подвал или чердак
От крыс очистить срочно».
«Знакомства ищет холостяк
С владелицей молочной».

Так целый день до темноты
В любое воскресенье
Читают кошки и коты
Кошачьи объявленья.

Потом, газету уронив,
Подняв очки повыше,
Поют, мурлыкая, мотив,
Что слышали на крыше.

Из английских народных детских песен

ДОКТОР ФОСТЕР

Доктор Фостер
Отправился в Глостер.
Весь день его дождь поливал.
Свалился он в лужу,
Промок еще хуже,
И больше он там не бывал.

МАЛЕНЬКИЕ ФЕИ

Три очень милых феечки
Сидели на скамеечке
И, съев по булке с маслицем,
Успели так замаслиться,
Что мыли этих феечек
Из трех садовых леечек.

Из Эдварда Лира

Эдвард Лир был одним из родоначальников английской поэзии для детей. Родился он в 1812 году в Англии, а умер в 1888 году в Италии, где прожил около 18 лет.

Его стихами, полными самой причудливой и веселой выдумки, зачитываются ребята вот уже второе столетие.

Источник поэзии Лира — народные детские песни, поговорки, считалки. В его словесной игре — та же изобретательность и свежесть, то же богатство мелодии и ритма, что и в лучших образцах детского фольклора.

Детей разных возрастов — да и взрослых — Лир пленяет своей праздничностью, своим радостным восприятием жизни.

Многие писатели для взрослых воспитались на его стихах, которые они узнали в детские годы и запомнили на всю жизнь.

Когда-то Белинский писал, что детским поэтом должно родиться.

Прирожденным детским поэтом был Эдвард Лир. И в то же время он никогда не подлаживался к детям, не пытался угодить им, а оставался самим собою. Все его стихи — веселая игра, забавляющая самого автора, а потому и читателей независимо от возраста.

В одном из стихотворений он шутливо представляет юным читателям самого себя:

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он — ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран,
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные.
Кот его называется Фосс.
Тело автора — шарообразное.
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: — Англича-
Нин в халате бежал из больницы!

Он рыдает, бродя в одиночку
По горам, среди каменных глыб,
Покупает в аптеке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир...
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир!

ДРУЖНАЯ СЕМЕЙКА

Жил некто на свете
По имени Доб
С почтенной супругой
По имени Моб.
Держал он собаку
По прозвищу Боб
И кошку по прозвищу
Читерабоб.

Однажды сварила
Баранину Моб.
Садится обедать
Супруг ее Доб.
И ждут своей доли
Собака их Боб
И кошка по прозвищу
Читерабоб.

Едва только справился
С косточкой Боб,
Он косточку отнял
У Читерабоб.
За кошку вступилась
Почтенная Моб,
За Боба — хозяин
По имени Доб.

Уходит,
С женою поссорившись,
Доб,
И горько рыдает
Почтенная Моб.
Но мирно играют
На солнышке Боб
И кошка по прозвищу
Читерабоб.

УТКА И КЕНГУРУ

Прокрякала Утка: — Мой друг Кенгуру,
Какой же ты сильный и ловкий!
Ты скачешь и в холод, и в дождь, и в жару,
Не зная в пути остановки.

А мне надоел этот илистый пруд,
Где жалкие слизни и жабы живут.
Неужто я, света не видя, умру?
Возьми меня в путь, Кенгуру!

Тебя я не буду тревожить никак, —
Добавила вкрадчиво Утка, —
Я буду молчать и скажу только «кряк»,
Коль станет особенно жутко.
Увижу я бурного моря прибой
И чаек свободных игру...
Возьми же меня поскорее с собой,
Любезнейший Кенгуру!

— Мне надо, — промолвил в ответ Кенгуру, —
Обдумать твое предложенье.
Быть может, оно нам послужит к добру,
Но есть и одно возраженье:
Меня ты прости, но учесть мы должны,
Что лапки твои чересчур холодны,
И если схвачу ревматизм,
То это не будет сюрпризом!

Прокрякала Утка: — О нет, пустяки!
Я знала, что очень ты зябкий,
И, видишь, надела тройные носки
Из шерсти и пуха на лапки.
Купила и плащ, чтоб не стыть на ветру
Ни мне, ни тебе, Кенгуру!

— Ну что ж, я готов тебя в спутницы взять.
Смотри, как луна чиста!..
Но чтоб равновесья в пути не терять,
Садись-ка на кончик хвоста.

И вот они оба пустились в галоп
Вдоль горных дорожек и вьющихся троп,
По желтым пескам и лесному ковру —
Утка и Кенгуру.

В СТРАНУ ДЖАМБЛЕЙ *

В решете они в море ушли, в решете,
В решете по седым волнам.
С берегов им кричали: — Вернитесь, друзья!
Но вперед они мчались — в чужие края —
В решете по крутым волнам.

Колесом завертелось в воде решето...
Им кричали: — Побойтесь греха!
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть ни за что, ни про что!..
Отвечали пловцы: — Чепуха!

Где-то, где-то вдали
От знакомой земли,
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль — в решете.

Так неслись они вдаль в решете, в решете,
В решете, словно в гоночной шлюпке.
И на мачте у них трепетал, как живой,
Легкий парус — зеленый платок носовой
На курительной пенковой трубке.

И матросы, что с ними встречались в пути,
Говорили: — Ко дну они могут пойти,
Ведь немыслимо плыть в темноте в решете,
В этой круглой, дырявой скорлупке!

---

* Джамбли — от слова jumblе — путаница.

А вдали, а вдали
От знакомой земли —
Не скажу, на какой широте,—
Острова зеленели, где Джамбли живут,
Синерукие Джамбли над морем живут.

И неслись они вдаль — в решете.

Но проникла вода в решето, в решето,
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом от колен до ступни
Промокашкою розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь,
И забрались в огромный кувшин от вина
(А вино было выпито раньше до дна)
И решили немного прилечь...

Далеко, далеко,
И доплыть нелегко
До земли, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль — в решете...

По волнам они плыли и ночи и дни,
И едва лишь темнел небосклон,
Пели тихую лунную песню они,
Слыша гонга далекого звон:
«Как приятно нам плыть в тишине при луне
К неизвестной, прекрасной, далекой стране.
Тихо бьется вода о борта решета,
И такая кругом красота!..»

Далеко, далеко,
И доплыть нелегко
До страны, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль — в решете...

И приплыли они в решете, в решете
В край неведомых гор и лесов...
И купили на рынке гороха мешок,
И ореховый торт, и зеленых сорок,
И живых дрессированных сов.

И живую свинью, и капусты кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек вина Ринг-Бо-Ри,
И различного сыра — рокфора и бри,—
И двенадцать котов без усов!

За морями — вдали
От знакомой земли —
Есть земля, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль — в решете!

И вернулись они в решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья: — Как они подросли,
Побывав на краю отдаленной земли,
Повидав по дороге весь свет!
И во славу пловцов, что объехали мир,
Их друзья и родные устроили пир
И клялись на пиру: — Если мы доживем,
Все мы тоже туда в решете поплывем!..

За морями — вдали
От знакомой земли —
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут...

И неслись они вдаль — в решете!

Рисунки Л. Смехова.

Так танцевала Гельцер

Екатерина Васильевна Гельцер в роли Тая Хоа.
Акварельный портрет работы. А. Фонвизина.

1927 год. На сцене Большого театра — «Красный мак». Главную партию китайской танцовщицы Тая Хоа исполняет Екатерина Васильевна Гельцер... В старой редакции балета была сцена, когда на середине затемненной площадки, окруженная коленопреклоненными детьми, умирала Тая Хоа. Перед смертью она отдавала, как символ веры в светлое будущее, красный цветок ребенку. Девочка оставалась на сцене с цветком в руках, и занавес закрывался... Эту девочку приходилось играть и мне. Никогда не забуду того волнения, которое испытывала я, ученица хореографического училища, когда приходилось выступать вместе с прославленной балериной Гельцер. Не только потому, что все мы буквально боготворили ее, считая недосягаемо прекрасной, но и потому, что знали ее высокую требовательность к выполнению мизансцен, к точности сценического рисунка. Зато как велика была радость, когда, довольная нашим исполнением, Екатерина Васильевна выводила нас кланяться зрителям!

Екатерина Васильевна Гельцер — это целая эпоха в балете. Дочь русского танцовщика и балетмейстера, она прославилась еще до революции. А в 1917 году, когда некоторые «звезды» эмигрировали из Советской России, Екатерина Васильевна осталась на родине и посвятила себя служению своему народу.

Екатерина Васильевна Гельцер вписала новую страницу в историю русского балета, — она ведь была первой, кто воссоединил в себе отточенную виртуозность танца с драматизмом игры. Недаром Екатерину Васильевну называли трагической актрисой.

Когда мне было десять лет, я видела Гельцер в роли Эсмеральды и до сих пор помню, как Эсмеральда — Гельцер шла на эшафот в длинной рубашке, подвязанной веревкой, с распущенными волосами... Во всей ее фигуре было столько трагической безысходности, что забыть этого нельзя.

Так же отлично помню я сцену в «Красном маке», когда Тая Хоа в танце преподносила советскому капитану чашу с отравленным напитком. В узких щелочках глаз, в застывшем, как маска, лице, в мелких шажках была такая напряженность, что у зрителя пробегал мороз по коже. Наконец чаша вручена. Тая Хоа медленно отходит от капитана, сложив руки, будто умоляя его не прикасаться к чаше губами. Он не понимает ее. Тая Хоа, как молния, бросается к нему и выбивает чашу из рук...

Когда в Большом театре осуществлялась новая постановка «Красного мака», я набралась смелости и попросила Екатерину Васильевну помочь мне в работе над ролью Тая Хоа. С огромной радостью вспоминаю я наши беседы, наши репетиции. Екатерина Васильевна учила меня, как совершать ритуальные поклоны, как обращаться с веером, учила плавной — стремительной и в то же время неторопливой — походке китаянок.

Убеждена, что настоящий артист не может быть человеком ограниченным, малообразованным. И как же много знает Екатерина Васильевна, как хорошо разбирается в живописи, в архитектуре, как любит и понимает русское искусство! Каждая встреча с нею обогащает, оставляя в памяти неизгладимое впечатление.

Гельцер исполняется 85 лет. Ее прекрасная жизнь в театре служит примером для всех нас.

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

ВСТРЕЧА — ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

Дорогая редакция!
Обращаюсь к вам со словами признательности. Я не виделся с отцом почти тридцать лет и даже не знал, жив ли он. И вот случайно, просматривая «Огонек» № 39 за 1960 год, я обнаружил в репортаже «Тревога! Горит лес...» фамилию, имя и отчество своего отца. Здесь же был и снимок его: «Ардалион Константинович Мордовской дает задание экипажу вертолета». Оказывается, отец работает начальником Западноуральской базы авиационной охраны лесов. К сожалению, встретиться пока не можем, так как работаем и живем далеко друг от друга. Но скоро увидимся.

Л. МОРДОВСКОЙ

Архангельск.

ПИОНЕРСКАЯ ГЭС

В селе Руська Мокра в Закарпатской области на речке Яновец строится пионерская ГЭС. Школьники посвятили ее XXII съезду КПСС. Станцию назвали крылатым словом — «Юность».

Ее мощность рассчитана на 75 киловатт. Ток получат не только школа, библиотека, клуб, но и все село. Все лето пионеры провели на строительстве ГЭС. Уже закончено строительство плотины, которая подняла воду на 4—5 метров. Образовалось водохранилище, где пионеры будут разводить ценную рыбу горных рек — форель.

М. ДЕРДЯК

Закарпатская область.

МЕЖКОЛХОЗНЫЙ ДОМ ОТДЫХА

В Лесном районе, Калининской области, открыт межколхозный дом отдыха «Молоча». Дом отдыха стоит в березовой роще, рядом — сосновый парк. Путевки оплачивают колхозы, на колхозные средства произведен ремонт, приобретено оборудование. Здесь уже отдохнули 400 тружеников колхозных полей.

В. ВИНОГРАДОВА

Калининская область.

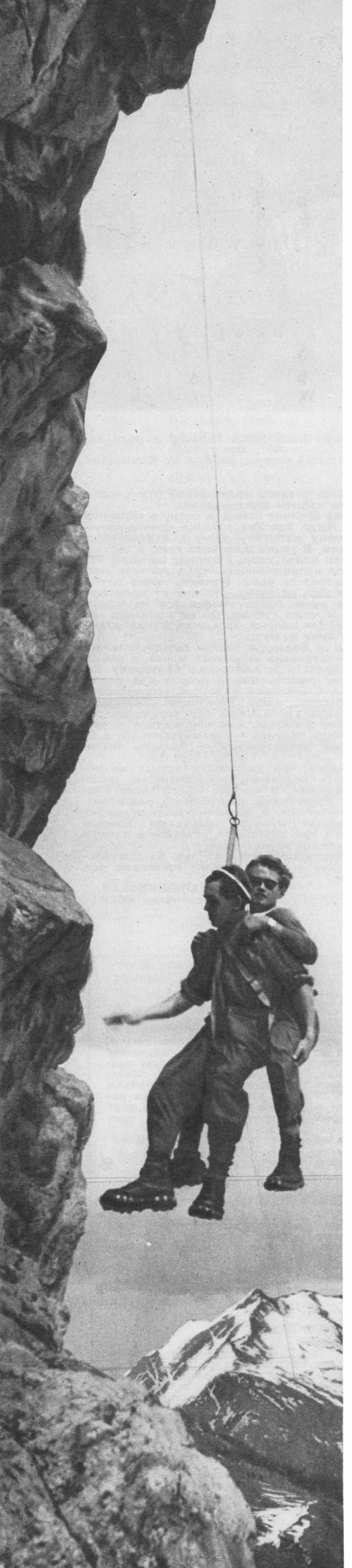
СПАСИБО ПОЭТУ

Дорогая редакция!
Мне хочется передать сердечное спасибо Сергею Смирнову за его стихи в «Огоньке» № 35 «Матушка Русь». Несколько раз перечитала их и словно прошла по детству, юности...

Сколько свежести в этих стихах, чистоты! От них будто веет ветерком. Русский поклон поэту за строки, воспевшие русскую сторону!

Т. РОЖКОВА

Саки.

Быстро и надежно натянуты тросы над кручами и провалами. «Пострадавший» в рюкзаке-носилках закреплен на спине спасателя. На фото — тренировка спасателей в Домбайской долине.

Двое над пропастью

Евг. СИМОНОВ

Луч фонарика скользнул по машине с красным крестом. Остановился на мокрой вывеске: «Контрольно - спасательный пункт Домбайского района». Здесь! Человек со спущенным на лоб капюшоном штормовки тревожно и торопливо постучал.

— Значит, срыв в вашей группе, Космачев, произошел при подъеме по гребню Птыша, а вы, можно сказать, руководитель восхождения, этого и не приметили, — веско сказал парню в мокрой штормовке начальник спасательного пункта Семенов, плечистый, спокойный человек в накинутой на плечи стеганке.

Семенову не было нужды подходить ни к схемам вершин, ни к картотеке маршрутов Домбая. Он слушал Космачева, по лицу которого, словно слезы, стекали капли дождя и пота. На каждую произнесенную фразу: «Птышская морена», «Обход по полкам», «Траверс к плечу, влево» — Семенов утвердительно кивал головой, а в памяти возникали тропы, и кручи, и вершины, на которых Семенов, бывший шофер и шахтер, получил звание мастера спорта.

Он не стал долго корить этого, с позволения сказать, руководителя: в данную минуту решает оперативность. Семенов крутанул ручку телефона и, глянув на часы, засек время, как засекает его, давая старт, судья. Но не было здесь ни трибун стадиона, ни переживающих перипетии соревнования зрителей. Сливающимся с самим небом, раскинувшимся во всю ширь видимого горизонта амфитеатром чернели обступившие Домбай вершины Главного хребта.

Хлопала дверь. Впуская туман и холод, входили один за другим те семеро, кого вызвал Семенов, — те, кто съезжается сюда, в Домбай, в дни летних отпусков на отдых, на тренировки, те, чьих фамилий не найдете в штатных расписаниях спасательной службы. Но семеро в штормовках сошлись сюда во втором часу ночи по первому же звонку, ибо где-то кто-то нуждался в их помощи. А так уж заведено у альпинистов. Когда кто-нибудь примет сигнал тревоги в горах шесть раз в минуту, минутная пауза и снова шесть раз в минуту, — альпинист прерывает восхождение, бросает любое дело и стремится туда, где он нужнее всего в этот миг.

...Они шагнули в ночь, и вот уже светящийся пунктир мелькнул над дальним ущельем. Шагает спасатель, и не звезды светят ему, а надетый на лоб фонарик. Уже миновали пограничную линию между спускавшимся с вершин светом дня и мраком ночи, еще лежавшим в долинах. Вошли в забрезживший день и погасили фонарики: надо экономить питание. И шагали молча: надо экономить дыхание,— шагали той размеренной, впечатывающей каждый шаг, валкой походкой, которой ходят в горах.

И первым шел, сдвинув на черные, с курчавинкой волосы вязаный колпачок, альпинист со смуглым лицом и легкими движениями горца, Хаджи Магомедов, на которого возложил Семенов руководство нынешним выходом, самый молодой из спасателей Домбая, аварец из Карачаевска.

Хаджи остановился, отвернул манжету штормовки. Толково, прямо скажем, толково получилось. Нет еще одиннадцати утра, а они уже подошли к тому месту, где лежит в спальном мешке Карпенко.

Пока с пострадавшим возится врач, Хаджи испытующе оглядел выступы скал: подходяще, здесь он и укрепит консоли для доставленного сюда спасателями транспортировочного хозяйства.

От старших, от мастеров спорта Магомедов слыхал: для спасателя в горах самым трудным был всегда не подъем, а спуск с забинтованным, недвижным человеком. Ведь они идут выручать его туда, куда не добраться карете скорой помощи, ни даже самолету с красным крестом на фюзеляже. И человек может оказаться не привычным к горам спортсменом, но геодезистом, который сбит лавиной со склонов Адыл-Су, или геологом, которого туман завел на Эльбрусе к знаменитому «котлу», иссеченному трещинами. И вот уже, словно лассо, со свистом улетел тросик в дышащую туманом и угрозой пустоту. Поскрипывает, раскручиваясь, барабан. Лязгают блок-тормоза, которые особенно придирчиво проверяет Магомедов.

К натянутому тросу подцепился Слезин с пристегнутым на спине рюкзаком-носилками, подобием распахивающегося кресла с системой постромок. Сюда усадили пострадавшего. Проверили. «Пускать?» «Есть пускать!» И человек с человеком на спине улетел в пустоту, которая теперь, когда так деловито и монотонно жужжали блоки и позвякивал металл, казалась обжитой и укрощенной...

А началось за день до этого.

Группа Олега Космачева — четверо из лагеря «Алибек» — ввалилась в хижину Птышской ночевки поздно ночью. И только она вышла утром на восхождение, несмотря на то, что погода не сулила ничего утешительного: туман скрывал вершины. Но Космачев оказался из тех, кто считает, что погода ему не помеха.

— Вот что, други: зря мы не придержали его утром в хижине, — узнав по радио о беде, сказал товарищ по ночевке.

— Это вы Космача-то придержать захотели? — недоверчиво осведомился другой. — Не из таких он. «Я приезжаю в горы делать вершины, а не в ваших хижинах бока отлеживать», — скажет вам Космачев.

То, что произошло с товарищем Космачева, называется «несчастным случаем». Но разве к этому случаю не привела вся внутренняя логика схватки человека по имени Космачев с горой по имени Птыш Главная. Они вышли вчетвером. Но Космачев сразу же ушел вперед. Очутившимся одним в тумане Карпенко и Руотсалайнену оставалось жать из последних, иначе Космачев обзовет их связку в лучшем случае «слабаками».

...Подымающийся первым Карпенко скрылся за перегибом. Их разделяет высота шестиэтажного дома, а для страховки — ни одного крюка (унес Космачев). Шуршит по камням капрон. Гулкая, сырая, зябкая тишина. Вставший на страховку Руотсалайнен сменил положение затекающих ног — и тут все сразу... Рывок... Скрежет оковки над головой... Пролетевший перед глазами Вадим Карпенко. И ощущение непривычной ненадежности: у ног Руотсалайнена трепыхался конец соединявшей их веревки: ее разрубило камнем.

Унимая дрожь, Иван Руотсалайнен заглянул вниз. Быть того не может! На полочке лежит Вадим. Как же так? Да, веревка — можете ли вы поверить в такое? — оставшаяся у него оборванная веревка заклинилась с лету в разрезе скал, остановила падение. А там подоспела подмога — спасатели. Пострадавший уже в домике на Домбайской поляне.

Семенов с одобрением оглядел Вадима: «Держался молодцом!» Обернулся к стенным часам.

— Неплохо транспортировку провернули. В считанные минуты ведь парня с Птыша спустили. А с прежней бы техникой верных двое суток на руках его нести.

Да по рваному леднику, по крутякам «бараньих лбов». И сами намучились бы, и ему каково!

Он протер ветошью барабан с накрученным на него тонким и легким тросиком. По привычке стукнул пальцем по барометру, глянул на горы: нет, не отдали вам парнишечку! Вдали возник главенствующий над всем Западным Кавказом купол Домбай-Ульгена, что значит «Зубр убит». Но человек будет жить!

* * *

Четыре года назад увидели мы впервые в одном из ущелий незнакомую эмблему: рафинадный конус горы и красный крест в стальном овале альпинистского карабина — эмблему возникшей тогда спасательной службы ВЦСПС, которую суховато по форме, но очень верно по сути назвали у нас «контрольно-спасательной».

Ведь только в самых крайних случаях уподобляется она «Скорой помощи», рассчитывающей, правда, не на колеса «Волги», но на руки скалолаза да опыт восходителя. Главное же — предупреждать еще не случившуюся беду. Для этого-то обходят Белецкий с Семеновым либо Кахиани с Троицким те утесы, что зовутся у инструкторов «Скальной лабораторией». Для этого разработана у нас строгая регламентация всех восхождений.

В горах не бывает легких путей, недаром же шкала «Классификации вершин СССР» знает пять категорий трудности вершин, но в ней нет «Категорий легкости».

Вот почему перед восхождением каждый обязан зайти в домик спасательной службы в Домбае, или Заилийском Алатау, либо в Баксане. Ему вручат вложенные в непромокаемый конверт кроки, он оставит свой точный маршрут, напишет: контрольный срок возвращения такой-то. Это вексель спортивной точности восходителя.

И если группа не покажется к сроку на ведущей в лагерь тропе, если разыграется непогода в горах, тогда за четверть часа до назначенных минут возле затянутых рюкзаков, обернутых мешковиной факелов и прочего снаряжения соберется отряд спасателей и двинется на выручку.

Это тоже спорт, хоть и не присуждают здесь ни чемпионских званий, ни медалей. Нет, не ради спортивной победы, но во имя жизни идет здесь борьба. Ни одного несчастного случая в горах — таков девиз спасателей!

Когда мы шагали минувшим летом к нефритовому зеркалу Турьего озера либо к радуге Чучхурского водопада, повсюду мы встречали схемы на развилках горных дорог либо условные меты на коре пихты или на боках валунов. Шагай себе, путник! Не собьешься больше с пути, дружище!

Вместе со знаками маркировки (только по Домбаю 70 с лишним километров размеченных направлений) как бы незримо следуют за тобой те, кто остались в домике на Домбайской поляне, а быть может, стиснув зубы, зажав в кулак волю и усталость, подбираются в этот самый час к сбитому лавиной геологу. Склонится над ним грубоватое и доброе лицо, подмигнет левый глаз, и спросит Семенов: «Ну как дела, дружочек?»

Хозяином новой службы порядка в горах стал спортивный совет профсоюзов. Двадцать девять его работников — те, у кого спортивное мастерство опирается на большой жизненный опыт, — обучают молодежь нелегкому искусству вызволять человека из беды. Двадцать девять штатных. Насколько же их больше на деле, если за одно только лето вместе с шестью табельными спасателями Домбая участвовало в выходах почти триста шестьдесят добровольцев!

Но именно эта сторона нашего спорта вызывает больше всего критики на Западе. Поучительная беседа произошла во время поездки известного нашего альпиниста Евгения Белецкого в Англию.

Англичанин: — Ваша система регламентации восхождений деспотична. Подавляет свободную личность. У нас же каждый вправе предпринять восхождение на любую вершину.

Белецкий: — Но если он не обладает достаточной подготовкой? Если вершина выше его возможностей? К чему приведет такая игра с жизнью человека?

Англичанин (снисходительно): — Это касается его и только его самого. У нас, дорогой Юджин, любой парень может отправиться со своей девушкой на вершину Маттергорна (труднейшая вершина в Альпах. — **Е. С.**) и только для того, чтобы эффектно покончить там самоубийством.

Белецкий (невесело улыбнувшись): — Ну, если мой собеседник усматривает в этом преимущество своей системы, мы охотно его уступаем.

Быть может, не столь уж удивительно, если так мыслят на Западе. Удивительно и обидно другое — то, что и в среду нашей спортивной молодежи проникает этот тлетворный душок и не так уж одинок Космачев, у которого в том же лагере «Алибек» нашлось какое-то количество горластых сторонников.

Кто же они, эти спортивные стиляги? Эти живущие рядом с нами, неплохие в общем ребята, которые становятся иными, попав в горы? Ведь они опасны вовсе не тем, что ходят там в коротких, по колено, рубчатых порточках — это практично, или щеголяют в вязаных колпачках — это удобно. Дело совсем в другом — в том, что молодые нигилисты отказывают в признании созданной «стариками» школе советского альпинизма.

Подобно тому же Космачеву, многие из них, безусловно, способные альпинисты. Но носилки спасательной службы, обрети они дар речи, могли бы поведать, что подавляющая доля несчастных случаев в горах порождена либо тактической неграмотностью, либо пренебрежением к страховке.

* * *

Великолепны своей суровой красотой горы, и все больше людей приезжает на Кавказ.

Сезон летних походов завершен. Все ниже опускается линия снегов. Первая лыжня зазмеилась на склонах. Ночь. Заснули скованные ночной стужей ручьи. Гаснут огни на туристской базе «Солнечная долина», в альпинистском лагере «Алибек». И только, подобно маяку в океане мрака, падает луч света из домика на Домбайской поляне. Там держат вахту Семенов и его ребята.

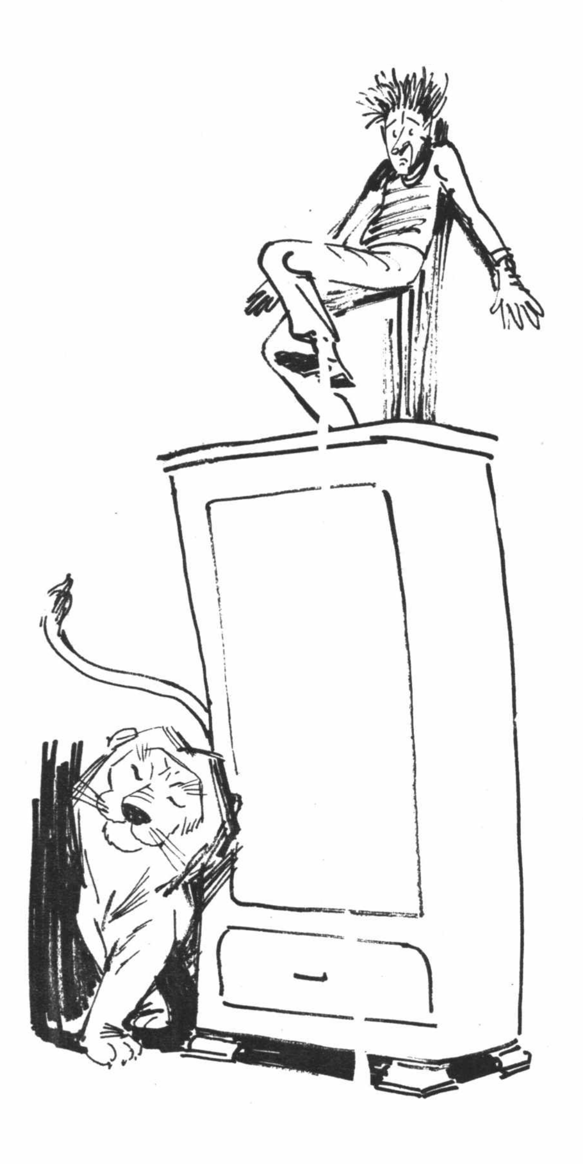
Снежная буря застигла в горах группу туристов из Грозного. На помощь пришли спасатели сваны. Слева направо: И. Кахиани, М. Хергиани-младший, спасенный ими турист — студент нефтяного техникума О. Булгаков, М. Хергиани-старший.

На Памире во время советско-китайского альпинистского сбора тяжелая болезнь свалила на большой высоте китаянку Я Хуа-дин. На помощь пришли советские друзья — русские, грузины, азербайджанцы, спасли жизнь девушке.

Фото мастера спорта П. Захарова, заслуженного мастера спорта Л. Филимонова, Фотохроники ТАСС.

Рисунки Ю. Черепанова.

Борис ЛАСКИН

В холле гостиницы «Москва» было многолюдно. Хроникеры торопливо расставляли осветительные приборы, фотокорреспонденты уже сверкали «блицами».

Мы сидели за столиком в ожидании своих делегатов. Я говорю «своих» потому, что одному из нас предстояла беседа с прославленным ученым из Сибири, другой ждал председателя колхоза, дважды Героя Социалистического Труда, третий, неотрывно глядя на дверь, ожидал строителя гидростанции.

В холл стремительной походкой вошел очень высокий молодой человек в плаще. Мы сразу узнали его. Это был Саша Глебов, сотрудник одной из столичных газет.

Подойдя к администратору, Глебов о чем-то осведомился и, облегченно вздохнув, поглядел на часы.

— Саша! Глебов!..

— А, привет, коллеги! — Он подошел к нам.— Хочу предупредить: с маршалом беседую я. Редактор с ним лично договорился по междугородному, так что все в порядке. Будем взаимно вежливы. А пока можно покурить и пообщаться.

— Саша, давай свою историю,— сказал Юрченко из молодежной газеты,— доставь людям удовольствие.

— Какую историю?

Вместо ответа Юрченко неожиданно оскалил зубы и издал негромкое рычание.

Глебов махнул рукой.

— А... Это уже эпос. Это все знают.

— Не все, не все. Давай рассказывай.

Мы потеснились. Саша Глебов опустился на диван и, закурив, начал:

— Было это, дети мои, седьмого сентября. Вызывает меня Лопатин Алексей Николаевич, заведующий отделом информации: «Саша, а не дать ли нам в субботний номер строчек сто занятной информации?» Я говорю: «Прекрасная идея». Тогда он говорит: «На вот тебе домашний адрес и побеседуй с Валентиной Ивановной Смирновой». Спрашиваю: «А кто она такая?» Он отвечает: «Узнаешь на месте». Я говорю: «А все-таки? Какая проблема?» «Проблема воспитания». Я говорю: «Понятно, моральная проблема...» А он улыбается: «Нет, пожалуй, не столько моральная, сколько физическая...» «Понимаю, спорт, воспитание молодежи». А он говорит: «Почти угадал. Воспитание, но не спорт». Я говорю: «Ладно, Алексей Николаевич, еду. Правда, вы что-то скрываете, но это даже интересно. Вы с ней договорились, она меня примет?» «Примет. Езжай».

Минут через сорок являюсь по адресу. Звоню. Открывает молодая женщина.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы из редакции?

— Так точно.

— Заходите, пожалуйста.

Вхожу. Небольшая квартира, по-видимому, двухкомнатная. Обстановка современная. Книг много. Тахта. Зеркальный шкаф. Цветы.

Я говорю:

— Валентина Ивановна, я к вам приехал для беседы, но в редакции мне почему-то не сказали, о чем мы будем с вами беседовать. Вы в курсе дела?

Она улыбается.

— Думаю, что да. Но, я полагаю, беседу лучше всего вести за чашкой чая. Правда? А чай у меня кончился. Если не возражаете, я вас оставлю на несколько минут, только спущусь в магазин. Я даже ключа с собой не беру: позвоню, вы мне откроете. Хорошо?

Я говорю:

Фельетон

Алла ТРУБНИКОВА

Сознательная жизнь Вали Спиридонова началась с вопроса:

— Мама, а где папа?

Матрена Семеновна вздрогнула: и этому уже надо объяснять, как в свое время объясняла двум старшеньким.

— Нет у нас папы, — резко сказала она. — Умер ваш отец.

И обе дочки поддакнули. Они смутно помнили какого-то человека, который всегда шумно веселился, но мама почему-то при этом не смеялась, а плакала. Однажды он взял чемодан и с порога крикнул: «Надоела мне такая жизнь. Так и запомните: умер я для вас». Девочки поняли тогда, что человек отправился куда-то очень далеко, недаром же он захватил с собой столько вещей.

Потянулись годы. Дети росли. Ираидино платье перешивалось Александре, из платьица Александры выкраивались штанишки Вальке. Допоздна трудилась Матрена Семеновна. Сморщились материнские руки, пока все трое получили образование. Нет, не высшее. Но профессию каждый себе выбрал. Стали наконец сами зарабатывать. Приоделись. Мебелью кое-какой обзавелись. Подумывали освободить мать от работы.

И вдруг откуда-то из Оренбургской области приходит судебная повестка «по иску Спиридонова о взыскании алиментов на содержание по старости».

— Путаница какая-то, не иначе однофамилец какой-нибудь, — решили дочери и сын.

И только сама Матрена Семеновна. долго разбиравшая написанное, вдруг сказала упавшим голосом:

— Батюшки-светы! Никак, ваш отец выискался.

— Отец? Да разве у нас есть отец? Ведь всю жизнь за твоей спиной прожили!

И тогда Матрена Семеновна, глядя в глаза своим выросшим детям, рассказала им правду. Бросил семью отец Михаил Павлович. Маялась Матрена Семеновна, маялась, а потом оформила алименты. И стал тот алиментный лист колесить за Михаилом Павловичем Спиридоновым по всем местам, где тот сам колесил. Каждый раз, когда судебному исполнителю удавалось наконец схватить неплательщика за шиворот, оказывалось, что с него и взятки гладки.

— Ну, сам подумай, мил человек, — благодушно посмеивался ответчик, — с какой зарплаты ты можешь у меня эти самые проценты вычитать, если я нигде не работаю? А имущества за мной никакого не значится.

— А этот добротный дом? А обширная усадьба? — наступал исполнитель. — А чья это корова только что мычала?

— Чья бы ни мычала, не моя, — с сожалением разводил руками Михаил Павлович. — Женина. И все здесь на ее имя.

Если же исполнитель оказывался особенно настойчивым, то на свет появлялся документ, в котором удостоверялось, что «у самого Спиридонова имеется: 1) коза старая — одна, 2) козленок молодой — один. На что и составлен настоящий акт...»

— Какой же он нам отец? — единодушно решили дочери и сын.— Ничего, в суде разъяснят, на какую помощь может рассчитывать такой родитель.

Однако, к немалому их изумлению, из суда посыпались все более грозные требования, предписывающие «срочно и точно сообщить размер заработной платы и должность, занимаемую ответчиком и ответчицами. В противном случае...»

Сын решил не дожидаться «противного случая». И он написал в суд.

Пришел ответ. Суд первого участка Новосергиевского района в лице народного судьи Матвеевой считал, что «иск основателен, доказан справками о пожилом возрасте истца, который не работает и в настоящее время живет один в шалаше». Последнее обстоятельство, видимо, особенно умилило судью, потому что далее ответчикам было вменено в вину

— Пожалуйста, конечно...

Ушла она, а я сижу и осматриваюсь. Интересно, кто она по специальности? Подошел к полке: может, по книжкам догадаюсь, чем человек занимается. Смотрю, книги как книги — проза, стихи. Десятка три томов, «Зоология», сочинения Брема. Ага, смекаю, все ясно: или учительница, преподает зоологию, или научный работник...

Стою я этак, размышляю, вдруг слышу за дверью в соседней комнате кто-то скребется весьма настойчиво и мяукает. Думаю, наверное, кошка гулять просится. Подхожу, поворачиваю ключ, открываю дверь...

Если бы Валерий Брумель увидел мой прыжок, он бы понял, что ему не с Томасом надо соревноваться, а со мной. Я потом дня три не мог сообразить, как очутился на шкафу.

Может, вам интересно знать, почему я выкинул этот акробатический номер? Была причина. И довольно уважительная.

В комнату вошел... лев. Царь зверей.

Вот я сейчас рассказываю, и у меня по спине мурашки бегают.

Входит лев, останавливается, смотрит на меня и вроде прикидывает в уме, когда меня со шкафа стащить: сейчас или немного погодя? Стоит он так, потом опускается на передние лапы, и тут, братцы, я чувствую, что через минуту в редакции освободится штатная единица...

Потом вижу: лев зевнул во всю пасть, а сам с меня глаз не сводит. И тут мне даже показалось, что он подмигнул: дескать, сейчас я тобой займусь!.. Я сижу на шкафу, стучу зубами, как отбойный молоток, а лев отвернулся и спокойно ушел в другую комнату...

Я думаю: «Что же мне теперь делать? А? По телефону позвонить? Куда? И как? Телефон у тахты, внизу. И лев тоже внизу. Что делать, братцы?»

Вдруг звонок. Это хозяйка вернулась.

Я кричу:

— Я не могу открыть, я на шкафу!

— Почему? Что случилось?

Я не успеваю ответить, как лев сделал два прыжка, очутился в передней и зарычал у двери. И так он зарычал — ужас!

— Зачем вы выпустили Малыша? — Это хозяйка квартиры, Валентина Ивановна, с лестничной площадки кричит.— Да вы не бойтесь! Ничего страшного, он же еще совсем молодой!..

«Ну да! — думаю.— Он совсем молодой, и я совсем молодой. Если он до меня доберется, то пожилым я уже не буду».

А Валентина Ивановна опять кричит:

— Пока я его здесь отвлекаю, позвоните в домоуправление: 77-95. Скажите, чтоб срочно пришел слесарь в девятую квартиру.

Знаете, в цирке есть такой номер — «Акробаты на батуде». Сетка упругая натянута, на нее прыгают из-под купола и снова вверх под купол. Я этот номер исполнил в домашних условиях. Прыгнул со шкафа на тахту и с телефоном в руках — обратно на шкаф. Теперь могу в цирковое училище поступать без экзаменов. Позвонил в домоуправление, номер набрал с трех попыток:

— Срочно пришлите слесаря, квартира девять... Здесь ходит лев, ни войти, ни выйти...

С трудом меня поняли.

Я положил трубку, потом позвонил в редакцию. Набрал номер. Слышу голос Алексея Николаевича: «Алло! Алло!..» А я ничего не могу ответить: лев опять вернулся. Подошел к шкафу, смотрит на меня, облизывается. Тогда я в трубку говорю:

— Алексей Николаевич! Я сижу на шкафу... Алексей Николаевич... Тут лев Николаевич...

А лев голос мой услышал и встал передними лапами на тахту. Я трубку выронил, она висит, качается, из нее короткие гудки, как стон: «А-а-а».

Слышу на лестничной площадке голоса. Слесарь прибыл. А лев тем временем начал боком о шкаф тереться. Шкаф качается. «Ну,— думаю,— все, привет, читайте завтра в рамочке: «Нелепый случай вырвал из наших рядов...»

Шкаф качается, я держусь за потолок и всю свою жизнь вспоминаю. Почему-то последнюю летучку вспомнил, на которой меня за оперативность хвалили.

Вдруг слышу голос Валентины Ивановны:

— Вы почему молчите, что с вами?

Я говорю:

— Он шкаф раскачивает...

— Ничего, ничего, это он просто играет. Вы спойте что-нибудь. Малыш любит музыку. Она его очень успокаивает.

«Пожалуй, не льва, а меня нужно успокаивать».

В общем, я запел. Это была такая песня, что по сравнению с ней плач Юродивого из «Бориса Годунова» прозвучал бы как походный марш. Пел я одну мелодию: как вы понимаете, мне было не до слов. И представьте себе, произошло чудо. Лев лег на пол и закрыл глаза. А потом вдруг встал и быстро ушел. Не вынес царь зверей моего вокала.

Дальше все было просто. Слесарь сделал свое дело, Валентина Ивановна вошла в квартиру, и лев бросился ей навстречу. Она потрепала его по гриве, увела в соседнюю комнату и заперла дверь на два поворота ключа.

Я легко спрыгнул со шкафа: у меня был уже некоторый опыт,— после чего и состоялась наша беседа за чашкой чая. Беседа была интересная. Валентина Ивановна — научный сотрудник зоопарка — взяла львенка еще совсем маленьким. Он рос и воспитывался у нее дома. Впрочем, обо всем этом я уже дал ровно сто строк, кое-кто из вас, наверное, читал.

Малыш недели через две будет переведен в зоопарк. Выберу время, схожу с ним повидаться. Посмотрим друг на друга и вспомним нашу незабываемую встречу. И, кроме того, мне хочется...

Что хочется Саше Глебову, мы так и не узнали. Оборвав рассказ на полуслове, Саша встал. В дверях гостиницы появился маршал.

Саша помахал нам рукой.

— Привет, товарищи! — сказал он и пошел навстречу маршалу.

даже то, что они молодые. Что же касается возражений, что отец их не воспитывал, то законом не предусмотрены исключения в данных случаях.

Ясно было, что «недоразумение» приняло серьезный оборот. Старшая дочь, Ираида, сообщила в суд, что с кого-кого, а с нее взыскивать алименты невозможно: ведь у нее трое детишек мал мала меньше. Матрена Семеновна, перекрестившись, взяла-таки грех на душу: отписала незваному, что, мол, младшей-то нашей, Александры Спиридоновой, не существует, так что уж не взыщи. А дочка в это время как раз замуж вышла, фамилию мужа взяла.

Но сын Валентин упорно продолжал апеллировать в высшие инстанции. Ему отвечали. Даже довольно быстро. Однако ничего существенно нового эти ответы не содержали. Как ни нелепо, но отец, не воспитавший своих детей, имел упомянутые выше родительские права. И посему...

— Придется, видно, действовать папашиным методом, — решительно заявил Валентин.

Матрена Семеновна побледнела.

— Что ты задумал, сынок?

— А буду бегать с места на место, пусть дорогой папаня попробует с меня что-нибудь получить. И даже вам, вы уж простите, писать не буду. Чтоб с чистой совестью могли ответить: мол, знать не знаю, ведать не ведаю, где он, этот Валентин...

И тогда не выдержала младшая дочь, Александра, написала письмо в редакцию. По этому письму я и приехала в город Нукус.

Молодая женщина облегченно вздыхает:

— Просто противно, знаете, чувствовать себя живым трупом или мертвой душой...

Признаюсь, здесь, в одном из отдаленных уголков Средней Азии, многое поразило меня. И верблюд, тянувший повозку с новейшими радиоприемниками. И бабуся с медными подвесками на шее, важно восседавшая на мотороллере позади водителя. И знахарь, который почувствовал недомогание и явился в поликлинику. И колхозники, предпочитающие в поездках в гости быстроходные крылатые «ЯКи» тихоходным осликам.

Вскоре я поняла, что такие контрасты встречаются здесь на каждом шагу. И вот на фоне всего этого очень странным показался мне обратный контраст — от нового к старому. Нелепый, уродливый, он нарушил жизнь целой семьи.

Александра, молодой член партии, вынуждена скрываться под фамилией мужа, чтобы гражданин Спиридонов не мог взыскать алименты с гражданки Спиридоновой, приходящейся ему дочерью. Комсомолец Валентин принужден бросить свою мать и завод, дабы избежать отчислений в пользу человека, которого он и в лицо-то никогда не видел. Ираида должна платить, урывая от своих ребятишек.

А не поговорить ли по душам с этим «папашей» Спиридоновым, не «пропесочить» ли его? Кто знает, может быть, удастся заставить его задуматься над тем, как прожита жизнь...

...Кочую из одного села Оренбургской области в другое. Да, действительно был здесь такой Спиридонов. Проживал. С женой. Потом жена умерла. Дом продали. А Спиридонов уехал. В другом селе Спиридонова тоже не оказалось. Жена живет, а сам подался в другое место. И, наконец, в поселке Новосергиевском удается напасть на след: согласно поданной в суд справке, именно здесь он и живет «один в шалаше».

Прожил Михаил Павлович всю свою жизнь легко и беззаботно. Трудовых мозолей не натирал. Спину на колхозных нивах не гнул.

Однажды почуял Михаил Павлович, что творится с ним что-то неладное: в глазах без водки двоиться стало. Испугался было: никак, старость? И тут его осенило: он поспешно написал заявление в нарсуд. Правда, долго не мог вспомнить, как зовут сына. И Спиридонов подмахнул наугад: «С Виктора присудить мне алименты для проживания до окончания моей жизни...»

И присудили. До окончания жизни присудили. Судья только заметила:

— Небольшое недоразуменьице вышло: вы, папаша, имена перепутали. Сына-то вашего не Виктором, а Валентином зовут. Ну, не беспокойтесь, теперь-то уж все будет в порядке...

Ничего, кроме попутанных букв и буквы закона, не увидел суд.

— Конечно, он подлец, — горячо убеждает меня нарсудья Тамара Михайловна Матвеева, как будто я сомневаюсь в этом. — Но ведь он же старик. Ему же надо на что-то жить, а пенсия ему не положена...

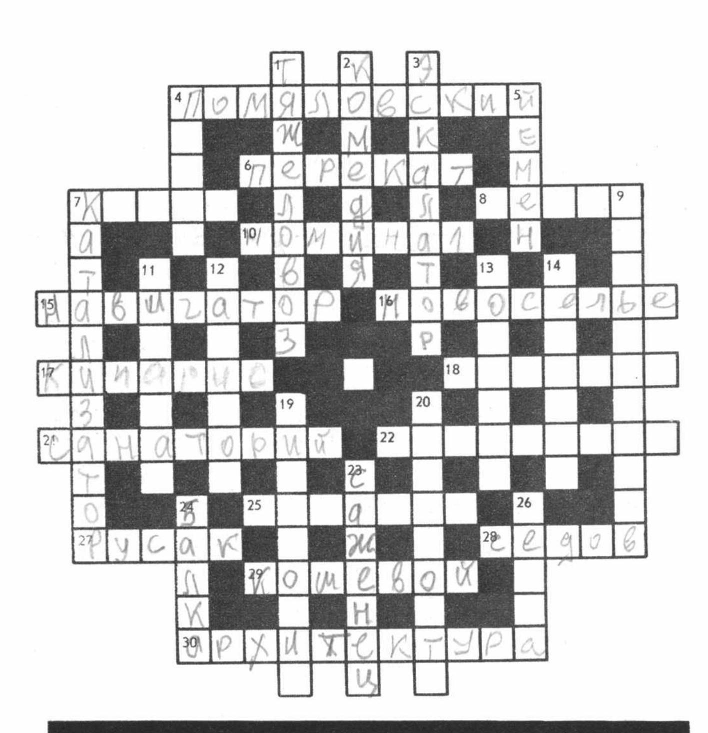
Спиридонова я разыскала на бахче, где он летом караулит капусту и потому «живет в шалаше». А вообще-то говоря, живет он в доме. И очередная жена батрачит на него.

Маленький, поросший колючей седой щетиной, он был похож на облезлого старого ежа.

— Мне жить нужно? — в упор поставил он передо мной вопрос, на который сам же безапелляционно и ответил: — Нужно. А на что я, по-вашему, должен жить? — привычно взвинчивая свой голос, продолжал он. — На то у меня дети имеются, пусть меня поить-кормить!

Он действительно был жалок, этот старик, неизвестно зачем проживший свою жизнь. Ни деревьев он не сажал, ни детей не вырастил. Плохо, очень плохо распорядился своей жизнью Михаил Павлович Спиридонов. Сидеть бы ему сейчас да вместе со старухой внучат нянчить. А там дочка с работы придет: «Отец, поздравь, меня сегодня в партию приняли». А там сын подбежит: «Не знаю, отец, как посоветуешь: на высший разряд нацеливаться или в институт сдавать?» Но нет, никто из детей не придет к Михаилу Павловичу ни в трудную, ни в радостную для них минуту. И детям своим закажут. Для семьи Спиридоновых М. П. Спиридонов — лишь однофамилец.

Нет о таких однофамильцах соответствующих добавлений к соответствующим статьям гражданского кодекса. А зря!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Автор «Очерков бурсы». 6. Речная мель. 7. Приток Ангары. 8. Животные семейства собачьих. 10. Обозначенная цена. 15. Специалист по судоходству. 16. Переселение в новую квартиру. 17. Южное вечнозеленое дерево. 18. Крупная дневная бабочка. 21. Система оздоровительных мероприятий. 22. Аппарат для получения стали. 25. Химический элемент. 27. Заяц. 28. Русский полярный путешественник. 29. Один из героев романа А. Фадеева. 30. Строительное искусство, зодчество.

По вертикали:

1. Порода рабочих лошадей. 2. Вид драматического произведения. 3. Движущаяся лестница. 4. Роман Г. Сенкевича. 5. Государство в Азии. 7. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 9. Советский актер и режиссер, народный артист СССР. 11. Спутник планеты Уран. 12. Смесь из уксуса, масла и пряностей. 13. Спортивное общество. 14. Азотнокислая соль. 19. Собаковедение. 20. Ода А. С. Пушкина. 23. Молодое растение, выращенное в питомнике. 24. Длинный овраг. 26. Областной центр РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

7. Серов. 9. Озеро. 10. Авиатор. 11. Сейм. 12. Лыжи. 13. Каратаж. 14. Польша. 16. Одарка. 18. Класс. 20. Альбом. 21. «Дружба». 24. Иофан. 26. Форинт. 29. Ракорд. 31. Архаика. 32. Арка. 33. Плащ. 34. Тарелки. 35. Стопа. 36. Скань.

По вертикали:

1. Астероид. 2. Кремль. 3. Сварка. 4. «Хорошо!». 5. Веялка. 6. Волжский. 8. Сахара. 15. Шаньдун. 17. Держава. 18. Кроки. 19. Сирин. 22. Прогресс. 23. Тарталья. 25. Фланец. 27. Иванов. 28. Такташ. 29. Радист. 30. Каптаж.

После выступления «Огонька»

«Мелкое дело»

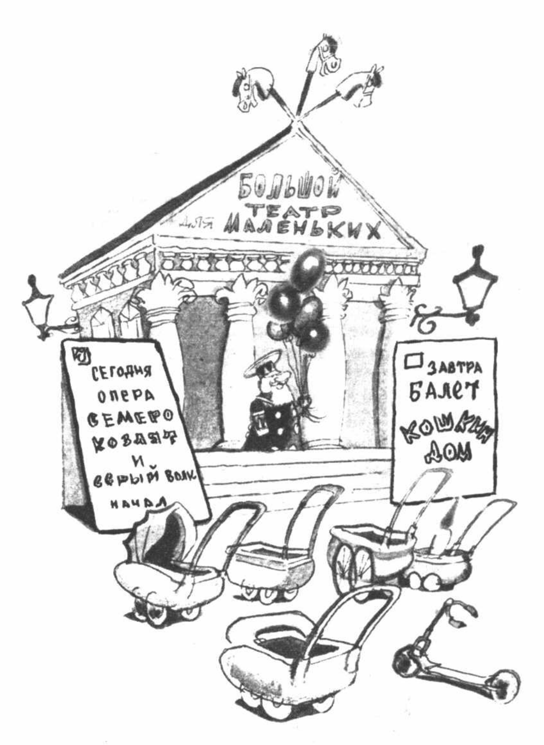
В № 35 нашего журнала был опубликован фельетон, в котором сообщалось о фактах злоупотреблений на мелкооптовой базе Кишиневского горпищеторга.

Секретарь Кишиневского горкома КП Молдавии товарищ В. Акинфиев и министр торговли МССР товарищ П. Кранга сообщили редакции, что фельетон обсуждался на коллегии Министерства торговли МССР и признан правильным. Расхитители социалистической собственности кладовщики Ница, Фрейдкин и Поята сняты с работы. Директор базы Н. И. Беззубов и старший бухгалтер М. А. Шипкевич наказаны: они получили административное взыскание.

Коллегия Министерства торговли указала руководству горпищеторга на то, что горпищеторг не реагировал своевременно на сигналы о недостатках и злоупотреблениях на мелкооптовой базе.

На первой странице обложки: Рекордсмен мира, мастер парашютного спорта Валерий Раевский в прыжке. Фото В. Даниловича.

На последней странице обложки: Армения... Фото Б. Кузьмина.

Театральный разъезд.
Рисунок Вл. Гальбы.

Новые марки Индонезии

Почтовое ведомство Индонезии выпустило серию марок, посвященную историческим памятникам, достопримечательностям национальной культуры, природе этой чудесной страны.

Эту красивую и оригинальную серию мне бы хотелось показать читателям «Огонька».

Н. МИТРОФАНОВ

Джакарта.

Гонки быков, которыми славится небольшой остров Мадура у северного побережья Явы.

У нас в гостях «Лудаш Мати»

БУДАПЕШТ

В недалеком будущем.

Надпись на воротах завода-автомата: «Ключ под решеткой для вытирания ног».
Рисунок Балажа Балаж-Пири.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Л. Шумана.**

Проходят классиков.

Рисунок Л. Самойлова.

Творческая индивидуальность.
Рисунок В. Воеводина.

— Интересно, как это будет выглядеть в цветном телевидении?
Рисунок Р. Матюшина.

Затруднительный выбор.
Рисунок В. Ильина.
Кронштадт.

В этих стоящих на высоких столбах и увенчанных остроконечными крышами домах живет племя тораджа. Остров Сулавеси.

«Долина буйволов», расположенная в центральной части Суматры.

Крупнейший исторический памятник Индонезии, построенный более тысячи лет назад,— храм Боробудур.

А эта марка, темой которой послужило национальное строительство, посвященная 16-й годовщине независимости страны.

— Почему вы так волнуетесь, Джо?
— Потому что через шестнадцать лет после окончания войны вы уже хотите заключать мир.
Рисунок Пала Пустаи.

— Благодарю, я не пью: я с машиной.
Рисунок Гизи Сегэ. →

→ Американец — «Востоку»:
— Не подвезете?
Рисунок Шандора Эрдеи.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии—Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05295. Подписано к печати 9/XI 1961 г. Формат бум. 70×108 1/8. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2115. Заказ № 2752.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.